
Виктория Андреанова
Право
выбирать

Виктория Андреанова

Право выбирать

https://litres.ru/74709732
SelfPub; 2026

Аннотация

София и её союзники противостоят силам, стремящимся подчинить память, имена, выбор и будущее. Побеждая власть, Забвение и Общее, герои понимают: свобода невозможна без различий, сомнений и права на отказ. Теперь им предстоит защищать не идеальный порядок, а пространство, где каждый может изменяться, помнить, забывать и выбирать.

Виктория Андреанова
Право выбирать

Том II. «Вуаль из золота и дыма»
Глава 1. Рождение Гильдии

София Морн начала свой путь к власти с создания тайной организации. Её план был прост и опасен: использовать дар метаморфоз для создания новой формы власти в Альтер-Мундусе.

Она не стремилась занять трон.

Трон был слишком заметен.

На троне сидел человек, которого можно было отравить, проклясть, свергнуть или заменить. Власть же, по мнению Софии, принадлежала не тому, кто отдавал приказы, а тому, кто заранее знал, какие приказы будут отданы.

Поэтому она выбрала тени.

Первые шаги

* Рекрутирование агентов среди низших служащих ари-

стократических домов.

* Создание сети информаторов в ключевых точках Люкс-Августы.

* Изучение запретных форм метаморфной магии.

* Поиск людей, способных хранить тайну даже под воздействием заклинаний памяти.

* Формирование первого внутреннего круга — тех, кто станет не слугами, а частью самой Гильдии.

В те годы Люкс-Августа казалась городом, построенным из света. Белые башни поднимались над золотыми крышами, мосты из дымчатого стекла соединяли кварталы, а по ночам на площадях зажигались магические фонари, в которых плавали крошечные звёзды.

Но София знала: всякий свет отбрасывает тень.

И именно там следовало строить будущее.

В первый день она наняла служанку.

Девушку звали Элин Вейр. Ей было девятнадцать, она работала в доме герцога Тарвина и обладала редким, почти бесполезным талантом — могла слышать ложь в голосе челове-

ка, если тот находился не дальше трёх шагов.

Дар проявлялся странно. Элин не видела ауру, не ощущала колебаний магического поля и не могла отличить обман от самообмана. Она лишь чувствовала, как в речи собеседника возникает короткая фальшивая нота, словно кто-то провёл ногтем по краю хрустального бокала.

Для герцогского дома это было неудобство.

Для Софии — ключ.

Она нашла Элин на кухне, где та стояла у окна и чистила медные кастрюли. В помещении пахло луком, углём и дождём. На улице ливень стекал по мостовой серебряными нитями, а за воротами герцогской резиденции дежурили двое стражников.

София вошла в кухню в облике пожилого писаря.

Она давно научилась менять не только лицо. Дар метаморфоз позволял ей перестраивать кости, смещать голосовые связки, менять рост, цвет глаз и даже запах кожи. Однако такие превращения требовали концентрации. Ошибка в одном движении могла привести к тому, что лицо становилось похожим на маску, а голос распадался на несколько

звуков сразу.

София считала это платой за свободу.

— Ты Элин Вейр? — спросила она.

Девушка обернулась.

— Да, господин.

— Я пришёл по поручению архивариуса. Нужны сведения о поставках лунного угля.

— У нас нет таких сведений.

Фальшивая нота.

София улыбнулась.

— Разумеется, нет.

Элин нахмурилась. Она не знала, почему этот старик показался ей опаснее любого мага из королевской стражи. В его голосе не было лжи. Но не было и правды.

— Вы кто?

— Человек, который предлагает тебе выйти из кухни.

Элин крепче сжала нож.

— Если это шутка…

— Шутки бывают у тех, кому нечего терять. У тебя есть младший брат, который лечится от пепельной лихорадки. У тебя долг аптекарю. И через три дня управляющий собирается уволить тебя, потому что ты слышала слишком много разговоров в коридорах.

Девушка побледнела.

— Кто вы?

— Пока никто. Но могу стать человеком, который оплатит лечение твоего брата.

— А взамен?

— Ты будешь слушать.

Элин долго молчала.

За окном гроза расколола небо. Вспышка молнии осветила кухню, и на мгновение София увидела отражение своего настоящего лица в оконном стекле — бледное, с тёмными волосами и глазами цвета старого янтаря.

Элин тоже заметила отражение.

Но ничего не сказала.

— Я согласна, — произнесла она.

Это было первое слово Гильдии.

Вторым стал человек, которого София не собиралась вербовать.

Его звали Маркус Рейн, и он служил смотрителем нижних архивов при Дворце Советов. Маркус был немолод, неуклюж и страдал от постоянного кашля, но обладал выдающейся памятью. Он мог однажды прочитать документ и через десять лет воспроизвести его почти дословно.

Однако главным его достоинством было другое.

Маркус знал, какие документы исчезали.

В Люкс-Августе существовали три архива. Первый был открытым: там хранились законы, родословные, торговые договоры и официальные хроники. Второй предназначался для членов Совета и высоких аристократов. Третий находился под дворцом, глубже канализационных туннелей и старых катакомб.

Его называли Погребом.

Там хранили то, что не следовало помнить.

Списки незаконнорождённых наследников. Договоры с призванными сущностями. Признания придворных магов. Записи о вспышках безымянной магии. Карты мест, где реальность когда-то истончалась настолько, что сквозь неё проступал другой мир.

София впервые спустилась туда под видом архивной крысы.

Это был один из самых сложных обликов, который ей доводилось принимать. Крысиное тело не терпело человеческой воли. Ей приходилось одновременно удерживать четыре лапы, длинный хвост, острый слух и чужое, стремитель-

ное восприятие пространства.

Она пробралась через вентиляционную решётку, скользнула вдоль стены и добралась до нижнего зала.

Там хранились тысячи свитков, заключённых в стеклянные цилиндры. Каждый цилиндр был запечатан воском, серебряной проволокой и именем владельца.

София искала карту старого квартала Вороний Предел. По слухам, под ним находился один из древних узлов — место, где магические потоки Альтер-Мундуса сходились в единую жилу.

Если легенды были правдой, тот, кто контролировал узел, мог усиливать одни заклинания и подавлять другие.

Но вместо карты она обнаружила Маркуса.

Он сидел за столом, окружённый горящими свечами, и читал запрещённый свиток.

София застыла.

Маркус поднял глаза.

— Вы не очень похожи на крысу, — сказал он.

София бросилась к выходу.

Маркус произнёс короткое заклинание:

— **Стой, что было названо.**

Воздух вспыхнул серой сеткой. София вернула человеческий облик, но заклятие уже стянуло ей руки.

— Вы знали, что я приду? — спросила она.

— Нет. Я знал, что кто-нибудь придёт. Крысы обычно приходят за сыром, а не за картами.

— Если вы поднимете тревогу, я вас убью.

— Не убьёте.

— Почему?

— Потому что сейчас вы выглядите напуганной.

София почувствовала, как внутри поднимается ярость. Метаморфоза начиналась с эмоции. Любой сильный всплеск

мог сорвать контроль, заставить кожу дрогнуть, глаза изменить цвет, пальцы стать длиннее.

Она подавила гнев.

Маркус внимательно посмотрел на неё.

— Вот теперь вы выглядите опасной, — сказал он.

— Что было в свитке?

— Перечень тех, кто когда-либо пользовался магией перемены плоти.

София замолчала.

— Большинство из них сошли с ума, — продолжил Маркус. — Некоторые забыли собственные имена. Несколько превратились в нечто, что уже нельзя было назвать человеком.

— Я не они.

— Каждый так говорил.

— Вы собираетесь читать мне наставления?

— Нет. Я собираюсь предложить сделку.

Маркус взял со стола маленький ключ. Он был выточен из чёрного стекла и покрыт тонкими золотыми символами.

— Я знаю, что Совет готовит новый указ, — сказал он. — Через шесть недель будут ограничены права всех магов, не принадлежащих к старым домам. Официально — ради безопасности. На деле — чтобы заставить талантливых людей служить аристократам.

— Откуда вы знаете?

— Я читал черновик.

— И что вам нужно?

— Чтобы кто-нибудь сделал так, чтобы этот указ не вступил в силу.

— Почему вам не обратиться к тем, кто заседает в Совете?

Маркус усмехнулся.

— Потому что указ составили именно они.

София посмотрела на него внимательнее.

— Вы хотите, чтобы я остановила Совет?

— Нет. Я хочу, чтобы вы заставили их поверить, будто они сами передумали.

Так появился второй член будущей Гильдии.

Не из верности.

Из презрения.

Третьим стал мальчик по имени Тиль.

Ему было двенадцать, и он продавал спички у театра иллюзий. В действительности это были не спички, а тонкие жезлы из высушенного тростника. Если чиркнуть ими о камень, они выпускали искру, складывавшуюся в маленькую фигуру: птицу, цветок, лицо или танцующего дракончика.

Тиль умел заставлять иллюзии говорить.

Это было запрещено без лицензии.

София увидела его случайно. Он сидел под навесом, пока мимо проходили нарядные посетители театра. На его коленях стояла коробка с жезлами, а над ладонью кружилась крошечная девочка из зелёного света.

— Пожалуйста, не уходи, — просила иллюзия. — Мне холодно.

Прохожие смеялись. Никто не замечал, что мальчик дрожит.

София остановилась.

— Как её зовут?

Тиль поднял глаза.

— Это не настоящее имя.

— Я не спрашивала, настоящее ли оно.

— Лира.

— Она умерла?

Мальчик посмотрел на светящуюся фигурку.

— Все иллюзии умирают, если их никто не помнит.

Это был не ответ ребёнка.

София присела рядом.

— Кто научил тебя?

— Никто.

— Ложь.

В голосе Тиля прозвучала такая же нота, какую София слышала у Элин.

Он умел лгать, но не умел скрывать правду.

Мальчик схватил коробку и попытался уйти. София остановила его, положив на камень серебряную монету.

— За все жезлы.

— Они не твои.

— Теперь мои.

— Их нельзя продавать. Они принадлежат мастеру.

— Тогда скажи мастеру, что их купила леди Морн.

Тиль застыл.

Имя Софии знали немногие. Но её род принадлежал к старой аристократии, пусть и находился на грани разорения.

— Вы из дома Морн?

— Да.

— Тогда вы можете забрать меня?

— Куда?

— В любое место, только не обратно.

София увидела, как над его плечом дрогнула иллюзия девочки. На этот раз Лира не говорила. Она смотрела на Софию зелёными глазами, слишком похожими на настоящие.

— Кто такой мастер?

Тиль опустил голову.

— Человек, который делает жезлы.

— И?

— Он забирает детей, у которых есть дар. Говорит, что кормит и учит нас. А потом продаёт наши иллюзии богатым людям.

— Сколько вас?

— В подвале? Двенадцать.

София почувствовала знакомое холодное движение внутри.

Так рождались решения.

Не из сострадания. Из расчёта, которому сострадание придавало форму.

— Вставай, Тиль.

— Вы спасёте остальных?

— Если они согласятся работать на меня.

— А если нет?

— Тогда спасу их всё равно.

Впервые за долгое время мальчик улыбнулся.

Так в Гильдии появился тот, кто впоследствии научил её создавать ложные воспоминания.

К концу первой недели у Софии было семнадцать имён.

К концу второй — тридцать четыре.

Она не называла их агентами. Это слово принадлежало аристократам и означало людей, которых можно заменить. София использовала другое обозначение — **узлы**.

Каждый узел знал только один небольшой участок сети. Элин слушала слуг и кухонных работников. Маркус отслеживал исчезновение документов. Тиль собирал слухи среди

уличных торговцев, беспризорников и учеников запрещённых мастерских.

Они не знали друг друга.

София запретила им встречаться.

Гильдия должна была походить не на цепь, а на паутину. Если оборвётся одна нить, вся конструкция не должна рухнуть.

Местом собраний стал заброшенный дом на улице Пепельных Фонарей. Когда-то там жил алхимик, пытавшийся создать золото из человеческих воспоминаний. Эксперимент закончился пожаром. После него стены дома покрылись серыми пятнами, а окна навсегда почернели изнутри.

Городские власти сочли строение проклятым.

София знала, что проклятие было всего лишь остаточной памятью.

Каждый вечер дом вспоминал пожар.

Поэтому внутри всегда пахло дымом.

На двери София вырезала символ: круг, перечёркнутый вертикальной линией, а над ним — маленький глаз.

— Что он означает? — спросил Маркус.

— Ничего.

— Тогда зачем он нужен?

— Чтобы люди решили, будто означает слишком многое.

Название она придумала в ночь первого собрания.

Они сидели в подвальной комнате. На столе горела одна свеча, но пламя у неё было чёрным. Тиль пустил по стенам иллюзию золотой пыли. Элин принесла список разговоров, услышанных в доме герцога. Маркус выложил перед собой копии правительственных документов.

— Нам нужно имя, — сказала Элин.

— Зачем? — спросил Маркус.

— Без имени организация не существует.

— Это удобно.

— Это опасно.

София стояла у стены и смотрела на свои руки. В ту ночь она была в настоящем облике. Ей хотелось, чтобы остальные увидели, кому подчиняются. Однако в свете чёрной свечи её пальцы казались полупрозрачными, а по запястьям проходили тонкие золотые линии — следствие слишком частых превращений.

— Мы будем Гильдией, — произнесла она.

— Какой? — спросил Тиль.

София посмотрела на золотую пыль, кружащуюся в воздухе.

— Гильдией Вуали.

Маркус нахмурился.

— Слишком поэтично.

— Власть всегда начинается с поэзии, — ответила София. — Потом превращается в закон.

С этого дня они стали Гильдией Вуали.

Первое испытание пришло через месяц.

Герцог Тарвин обнаружил, что его слуги слишком много знают.

Он приказал пригласить придворного мага по имени Ориан Кель. Тот владел искусством вытягивания воспоминаний — редкой магией, которую официально применяли только во время государственных расследований.

Ориан пришёл в дом герцога вечером.

На нём был длинный серый плащ, застёгнутый на костяные пуговицы. Лицо его казалось неподвижным, будто он годами тренировался не выражать ни одного чувства.

Он собрал слуг в главном зале.

— Никто не обвиняется, — сказал маг. — Нам нужно лишь убедиться, что в доме нет утечки сведений.

Элин стояла последней.

Она понимала, что произойдёт.

Ориан поднял руку.

Магия воспоминаний не была похожа на огонь или молнию. Она проникала мягко, как вода в ткань. Человек ощущал лёгкое давление за глазами, затем слышал голос, которого не существовало.

Назови то, что скрываешь.

Элин почувствовала, как её память раскрывается.

Кухня.

Письмо.

София в облике старика.

Серебряная монета.

Чёрная свеча.

Она почти закричала.

Но в ту же секунду в её сознании раздался другой голос — голос Софии, произнесённый неделю назад.

Когда к тебе придут за воспоминаниями, не защищай правду. Подари им историю, которую они хотят услышать.

Элин закрыла глаза.

Ориан вошёл в её память.

Он увидел старика-писаря.

Увидел вопрос о лунном угле.

Увидел, как Элин испугалась.

А затем увидел Софию — но не настоящую. Элин мысленно изменила её лицо, как когда-то меняла иллюзии Тиля. Теперь перед Орианом стоял герцог Тарвин.

Герцог говорил:

— Ты должна следить за управляющим. Он ворует из кладовой.

Ориан вышел из памяти.

Элин открыла глаза.

— Всё чисто, — сказал маг.

Он не заметил, что его собственное отражение в оконном стекле на мгновение улыбнулось чужим ртом.

Когда расследование закончилось, Элин вышла через заднюю дверь и прошла три квартала под дождём.

В переулке её ждала София.

— Он поверил?

— Да.

— А ты?

Элин сжала кулаки.

— Я думала, что не смогу.

— Но смогла.

— Это было не моё воспоминание.

— Теперь твоё.

Элин посмотрела на неё с тревогой.

— Вы хотите, чтобы мы все стали такими, как вы?

София молчала.

Вопрос был опаснее любого обвинения.

— Нет, — сказала она наконец. — Я хочу, чтобы вы могли выбирать, кем становиться.

— А если однажды выбор будет между нами и вами?

София улыбнулась, но в улыбке не было тепла.

— Тогда ты должна выбрать правильно.

Над крышами Люкс-Августы раскрылась золотая луна. Её свет проходил сквозь дым, поднимавшийся от фабрик, и город казался укрытым тонкой вуалью.

София Морн подняла глаза.

Она ещё не знала, что через семь лет Гильдия будет управлять половиной столицы.

Не знала, что один из первых узлов предаст её.

Не знала, что метаморфозы однажды начнут менять её без разрешения.

И уж точно не знала, что в глубинах Альтер-Мундуса уже проснулось существо, которое веками ждало человека, способного носить чужие лица.

В ту ночь она знала лишь одно:

власть больше не принадлежала тем, кто сидел во дворцах.

Она принадлежала тем, кто умел говорить чужим голосом.

Конец первой части главы

Продолжение может развивать:

1. **Первую крупную операцию Гильдии** — срыв указа Совета о подчинении независимых магов.

2. **Мистическую систему Альтер-Мундуса** — узлы силы, память как магический ресурс, Вуаль между мирами, фамильяров и запретные заклинания.

3. **Конфликт Софии с Орденом Истинного Лика**, который считает метаморфов еретиками.

4. **Предательство внутри Гильдии** и появление главного антагониста тома.

5. **Постепенное превращение Софии**: её дар начинает изменять не только тело, но и воспоминания, характер и само ощущение личности.

Глава 2. Школа за Вуалью

София узнала о **даре** не от учителя, не от родных и даже не от придворного мага.

Она узнала о нём из чужого воспоминания.

Это произошло за три года до рождения Гильдии.

Тогда Софии было одиннадцать, и дом Морн ещё не окончательно разорился. В их особняке всё ещё горели семь каминов, на стенах висели портреты предков, а слуги продолжали обращаться к детям с почтительным поклоном, будто

богатство рода можно было сохранить одним усилием воли.

Отец Софии, лорд Эдриан Морн, почти не бывал дома. Он занимал должность советника при Дворце Советов и большую часть времени проводил среди законов, печатей и людей, которые улыбались только тогда, когда хотели что-то получить.

Мать умерла, когда Софии было семь лет.

Официально — от сердечной слабости.

Неофициально — от истощения магии.

В доме об этом не говорили.

София помнила мать плохо. Её лицо ускользало, стоило попытаться рассмотреть его. Оставались только отдельные детали: запах лавандового дыма, холодные пальцы, тёмное платье с вышитыми золотыми птицами и голос, который однажды ночью сказал:

— Никогда не позволяй магии убедить тебя, что ты знаешь себя.

Тогда София не поняла этих слов.

Через несколько лет она будет вспоминать их слишком часто.

В тот день всё началось с зеркала.

Оно стояло в западной галерее, за дверью, которую детям запрещали открывать. Зеркало было высоким, в чёрной раме, покрытой тонкими серебряными письменами. Согласно семейной легенде, его привезли из разрушенного монастыря на севере, где монахи поклонялись отражениям умерших.

София нашла ключ в кабинете отца.

Она не собиралась красть его.

Просто увидела, как лорд Морн положил ключ в верхний ящик письменного стола, а затем запер его второй печатью. Это сразу означало, что внутри находится что-то интересное.

София умела открывать простые замки. Её научил старый дворецкий, не подозревая, что уроки предназначались не для этого.

В западную галерею она пробралась после полуночи.

Слуги спали. Охранные чары на лестнице мерцали тускло-зелёным светом. За окнами шумел зимний ветер, и ветви кипарисов царапали стекло, будто кто-то просился внутрь.

София вставила ключ в замок.

Зеркало открылось беззвучно.

За ним оказался не проход, а тёмная поверхность, похожая на воду.

София увидела своё отражение.

Но отражение не повторило её движения.

Оно подняло руку.

— Ты пришла поздно, — сказала девочка в зеркале.

София отступила.

— Кто ты?

— Ты.

— Я здесь.

— Нет. Здесь только та, кем ты могла стать.

Зеркальная девочка выглядела старше. Ей было около шестнадцати. Волосы были короче, глаза темнее, а на подбородке виднелся тонкий шрам.

София сжала ключ.

— Я позову отца.

— Он не услышит.

— Тогда стражу.

— Они тоже не услышат.

Зеркало дрогнуло. По его поверхности прошли круги, и вместо отражения София увидела комнату.

Сначала она решила, что это происходило где-то в доме. Но затем заметила высокие башни, мосты из голубого стекла и огромную арку, над которой плавали серебряные буквы:

Академия Лунного Порога.

По двору шли дети в тёмных мантиях.

Кто-то заставлял цветы петь. Кто-то вызывал из ладоней маленьких огненных птиц. У одной девочки за спиной двигалась тень, не совпадавшая с её телом.

София не могла отвести взгляда.

— Что это? — прошептала она.

— Место, где тебя научат тому, чего ты боишься.

— Я ничего не боюсь.

Зеркальная София улыбнулась.

— Это тоже ложь.

Из глубины зеркала донёсся звон.

Затем поверхность разорвалась светом.

София почувствовала, как что-то коснулось её лба.

Мир исчез.

Воспоминание первое: огонь

Она стояла в горящей комнате.

Вокруг ревели языки пламени. Шторы превратились в чёрные ленты, мебель трескалась, потолок осыпался золотой пылью.

София увидела мать.

Та стояла у окна, прижимая к груди младенца.

— Уходи, — сказала мать.

— Я не могу.

— Ты уже уходишь.

— Кто это?

Мать посмотрела на ребёнка.

София поняла, что видит себя.

Но младенец в её руках не плакал. Он смотрел на огонь и улыбался.

— Это не ты, — прошептала мать. — Пока ещё нет.

Дверь распахнулась.

В комнату вошёл высокий мужчина в маске из белого металла. За его спиной стояли трое магов. Их плащи были покрыты знаком — глазом, перечёркнутым вертикальной линией.

Тот же символ София много лет спустя вырежет на двери дома Гильдии.

— Отдайте ребёнка, леди Морн, — сказал мужчина.

— Она вам не принадлежит.

— Она принадлежит дару.

Мать подняла руку.

В воздухе возникла сеть из золотых линий. Пространство

вокруг мужчины исказилось, будто он оказался внутри стекла.

Но мать пошатнулась.

Кровь потекла у неё из носа.

— Ты не сможешь удерживать Вуаль вечно, — произнёс мужчина. — Даже если изменишь собственное лицо.

Мать повернулась к Софии.

— Запомни, — сказала она. — Твоё лицо — это дверь.

Пламя взвилось вверх.

Воспоминание погасло.

София очнулась на полу галереи.

Зеркало было закрыто.

Ключ лежал рядом с её рукой, но теперь он был горячим. На металле проступил знак Академии Лунного Порога.

София вскочила и ударила по зеркалу кулаком.

— Кто вы?!

Ответа не было.

В коридоре послышались шаги.

Она схватила ключ и спрятала его под платьем.

В дверях появился отец.

Лорд Морн был в домашнем халате, но на поясе висел жезл. Он сразу заметил открытое зеркало.

Его лицо изменилось.

Не от гнева.

От страха.

— Ты видела? — спросил он.

София впервые заметила, что отец боится не её.

— Что?

Он пересёк галерею и быстро закрыл зеркало. Серебряные письмена на раме вспыхнули, затем погасли.

— Я спросил, что ты видела.

— Школу.

Лорд Морн побледнел.

— Какую школу?

— Академию Лунного Порога.

Между ними повисла тишина.

Затем отец сказал:

— Ты никому не должна об этом рассказывать.

— Почему?

— Потому что её не существует.

— Я видела её.

— Тебе показалось.

— Я видела маму.

Отец замер.

Это было первое мгновение, когда София поняла: воспоминание принадлежало не только ей.

— Ты ничего не видела, — произнёс он жёстко.

— Мама сказала, что моё лицо — дверь.

Лорд Морн поднял руку.

На его ладони вспыхнуло заклинание забвения.

София почувствовала холод у виска.

— Что вы делаете?

— Спасаю тебя.

— От чего?

Отец произнёс первое слово заклятия.

И тогда София изменилась.

Она не хотела этого. Не произносила заклинаний. Не знала, как управлять магией.

Её лицо просто дрогнуло.

Кожа стала бледнее. Волосы потемнели. Правый глаз приобрёл цвет янтаря, а левый — цвет стали.

Лорд Морн отступил.

Заклинание рассыпалось.

— Нет, — сказал он.

София услышала в его голосе то, чего никогда прежде не слышала: не страх за неё, а страх перед ней.

— Что со мной?

Отец не ответил.

За зеркалом что-то ударило.

Раз.

Другой.

Третий.

И тогда из глубины рамы донёсся детский шёпот:

— Открой дверь.

Воспоминание второе: поезд

Через две недели София покинула дом.

Отец сказал, что отправляет её к родственникам в северное поместье. Слугам велели говорить именно так. Ей выдали дорожный плащ, чемодан и письмо с печатью дома Морн.

Но вместо северной дороги экипаж остановился у старой станции.

Там не было ни вывески, ни пассажиров.

Только чёрный поезд, стоявший на рельсах, которых София не видела.

Из труб вырывался золотой дым.

— Я никуда не поеду, — сказала она.

Отец держал её за плечо.

— Поедешь.

— Вы сказали, что я еду к тёте.

— Я солгал.

— Почему?

— Потому что правда опаснее.

На платформе стояла женщина в сером плаще. Её волосы были заплетены в длинную косу, а на груди висел медальон в форме закрытого глаза.

— Лорд Морн, — произнесла она. — Вы опоздали.

— Она сопротивлялась.

— Это хороший признак.

Женщина посмотрела на Софию.

— Я ректор Эвелина Восс.

— Я не хочу в школу.

— Большинство учеников не хотят.

— Я не ученица.

— Это решит испытание.

Она протянула руку.

София не двинулась.

— Что будет, если я откажусь?

Ректор слегка наклонила голову.

— Тогда ты останешься дома. Через несколько месяцев люди из Ордена найдут тебя. Они будут задавать вопросы о твоей матери. После этого ты либо станешь их оружием,

либо исчезнешь.

— А если я поеду?

— Тогда научишься исчезать сама.

Отец отвёл взгляд.

София поняла, что решение уже принято.

Она поднялась в вагон.

Внутри поезд был больше, чем снаружи. Коридоры изгибались, окна показывали разные времена суток, а за стеклом иногда мелькали места, которых не могло существовать: лес, растущий вверх корнями; море под фиолетовым небом; город, где вместо людей ходили их тени.

В купе уже сидели трое детей.

Мальчик с серебряными волосами держал на коленях клетку, внутри которой спал чёрный ворон с двумя головами.

Девочка в зелёном платье читала книгу, страницы которой переворачивались сами.

Третий ученик был худым и молчаливым. На его лице не было рта.

София остановилась в дверях.

— Он немой? — спросила она.

Мальчик с вороном покачал головой.

— Нет. Просто его голос ещё не выбрал лицо.

— Что это значит?

— Скоро узнаешь.

Поезд тронулся.

За окном Люкс-Августа вытянулась в светящуюся линию. Золотые башни исчезли, затем исчезла сама земля.

Поезд вошёл в дым.

София почувствовала, как в груди поднимается тревога.

И вместе с ней — странное облегчение.

Впервые в жизни она ехала туда, где никто не знал её настоящего имени.

Воспоминание третье: ворота

Академия Лунного Порога находилась между мирами.

Так объяснила ректор.

София не поняла, что это значит, пока не увидела ворота.

Они стояли посреди тумана. Две огромные колонны из белого камня, соединённые аркой, под которой не было дороги. Внутри арки мерцала темнота, наполненная звёздами.

— Откуда здесь звёзды? — спросила София.

— Это не звёзды, — ответила ректор.

— А что?

— Глаза тех, кто смотрит на нас с другой стороны.

София подняла голову.

В темноте действительно что-то двигалось.

Тысячи крошечных огней наблюдали за учениками.

Некоторые моргали.

Некоторые приближались.

У Софии заболели зубы.

— Не смотри слишком долго, — предупредила ректор. — Иначе Вуаль запомнит тебя.

— Что такое Вуаль?

Ректор не ответила.

Она достала серебряный жезл и прикоснулась им к камню.

— Именем Лунного Порога открываю путь для тех, кто несёт искру, тень, память или перемену.

Ворота загудели.

Каждый ученик вошёл по очереди.

Когда настала очередь Софии, её тело стало тяжёлым.

Она услышала голоса.

Не входи.

Входи.

Ты уже была здесь.

София шагнула под арку.

На мгновение она увидела огромное существо, стоявшее по ту сторону мира. У него не было лица, только множество человеческих масок, прикреплённых к длинному белому телу.

Одна из масок была лицом её матери.

— София, — прошептало существо.

Она остановилась.

Ректор резко схватила её за руку и выдернула из-под арки.

— Не отвечай, — сказала она.

— Оно знает моё имя.

— Именно поэтому.

— Кто это?

Ректор впервые посмотрела на неё с настоящей тревогой.

— То, что когда-то узнало твою мать.

— Моя мать была здесь?

— Она была ученицей Академии.

Мир качнулся.

София посмотрела на башни, скрытые туманом. На окна, за которыми вспыхивали огни. На мосты, ведущие в разные стороны. На учеников, которые смеялись, спорили и не понимали, что находятся рядом с бездной.

— Почему мне никто не сказал?

— Потому что твой отец надеялся, что ты не проявишь дар.

— А если проявлю?

Ректор отпустила её руку.

— Тогда школа вспомнит, кому ты принадлежишь.

В Академии ученики изучали не только заклинания.

Их учили тому, что магия — это не сила, а договор.

Огонь не подчинялся тому, кто кричал громче. Он соглашался гореть, если ему предлагали топливо и направление.

Тени не служили человеку. Они позволяли использовать себя, если получали имя.

Память нельзя было прочитать без разрешения, но можно было убедить её, что разрешение существовало всегда.

А лицо считалось самым опасным видом магического оружия.

На первом уроке метаморфоз учительница попросила учеников изменить цвет глаз.

Дети один за другим выполняли простое упражнение.

У кого-то глаза становились синими, у кого-то золотыми. Один мальчик случайно получил вертикальные зрачки и не мог вернуть прежний облик.

София сидела неподвижно.

— Попробуйте, мисс Морн, — сказала учительница.

— Я не умею.

— Умеете.

— Я не знаю как.

— Это не одно и то же.

София посмотрела на зеркало.

В нём отражалась девочка с тёмными волосами.

Она подумала о женщине в огне.

О белой маске.

О существе за воротами.

Её глаза изменились.

Но не на другой цвет.

В зеркале появилась мать.

Ученики ахнули.

Учительница побледнела.

— Закройте отражение, — приказала она.

София не могла.

Мать в зеркале подняла руку и коснулась стекла.

— Помни меня, — сказала она.

Зеркало треснуло.

По классу прошла волна холода.

А затем все ученики одновременно забыли, что произошло.

Все, кроме Софии.

И одного мальчика без рта.

Он стоял у окна и смотрел на неё.

На его лице медленно появился рот.

— Она проснулась, — сказал он чужим голосом.

В ту же ночь ректор Эвелина Восс пришла в комнату Софии.

— Вам нужно покинуть Академию, — сказала она.

София сидела у окна.

— Я приехала сегодня.

— Именно поэтому.

— Что случилось на уроке?

— Вы открыли воспоминание, которое не принадлежит живым.

— Моей матери?

— Не совсем.

Ректор положила на стол тонкую книгу в чёрном переплёте.

На обложке не было названия. Только символ закрытого глаза.

— Ваша мать была одной из лучших учениц школы. Она изучала магию лиц, памяти и переходов.

— Она была метаморфом?

— Да.

— Почему она ушла?

— Она не ушла.

София медленно подняла взгляд.

— Что это значит?

Ректор открыла книгу.

На первой странице была изображена женщина, стоящая перед Вуалью. Лица у неё не было. Вместо него виднелась гладкая белая поверхность.

Под рисунком стояла запись:

Леди Адела Морн. Последний переход. Статус: неизвестен.

— Ваша мать исчезла за Вуалью, — сказала ректор. — И с тех пор всё, что умеет менять лицо, тянется к вам.

София закрыла книгу.

— Вы хотите сказать, что она жива?

— Я хочу сказать, что иногда смерть — это слишком простое объяснение.

— Я найду её.

— Для этого вам придётся научиться отличать память от присутствия.

— А если я не научусь?

Ректор посмотрела на зеркало.

В отражении за спиной Софии стояла её мать.

— Тогда однажды вы впустите её внутрь.

София резко обернулась.

Комната была пуста.

Но на стекле зеркала золотыми буквами проступили слова:

Я уже внутри.

И в этот момент София впервые услышала зов.

Не голос.

Не шёпот.

Зов был похож на движение двери, которую открывали с другой стороны.

Он тянулся из глубин Академии, из-под башен, из места, куда ученикам запрещали спускаться.

Туда, где под каменным фундаментом хранились старые воспоминания.

Туда, где когда-то исчезла её мать.

София положила ладонь на зеркало.

Поверхность оказалась тёплой.

Слишком тёплой для стекла.

— Я найду тебя, — прошептала она.

В отражении мать улыбнулась.

— Нет, — сказала она. — Это я найду тебя.

За окном ударил колокол.

Один раз.

Второй.

На третий все свечи в Академии погасли.

А под землёй проснулось нечто, носившее когда-то человеческое имя.

Конец главы 2

Глава 3. Подземная школа

На следующее утро Академия Лунного Порога объявила траур.

Никто не объяснил, по кому именно.

В Большом зале погасли все светильники, кроме семи серебряных ламп над кафедрой ректора. Ученики сидели за длинными столами и старались не смотреть на пустое место в конце зала.

Там обычно стоял мальчик без рта.

Теперь на его стуле лежала белая маска.

София увидела её сразу.

— Где он? — спросила она у девочки в зелёном платье.

— Кто?

— Тот мальчик. С поезда.

Девочка нахмурилась.

— На каком поезде?

София замолчала.

За соседним столом мальчик с серебряными волосами медленно поворачивал в руках клетку с двухголовым вороном.

— Ты тоже его не помнишь? — спросила София.

Мальчик посмотрел на неё слишком внимательно.

— Я помню, что его не было.

— Но он был.

— Тогда это плохой знак.

— Почему?

Ворон в клетке открыл один глаз.

— Потому что забытые ученики не уходят, — ответил мальчик.

Он сказал это не своим голосом.

София встала.

В ту же секунду по залу прошёл звон. Не колокольный — металлический, глубокий, словно под землёй ударили по огромному сосуду.

Все ученики замерли.

Серебряные лампы погасли.

В стенах зашептались голоса.

София Морн.

София Морн.

София Морн.

Ректор Эвелина Восс поднялась с места и ударила жезлом по полу.

— Молчать!

Шёпот оборвался.

Но среди учеников уже началась паника.

Один мальчик бросился к дверям. Другой попытался призвать защитное заклинание. Девочка рядом с Софией закрыла уши руками.

Ректор посмотрела прямо на Софию.

— В мой кабинет. Немедленно.

— Что происходит?

— Ты.

Ответ прозвучал так спокойно, что София почувствовала ещё большую тревогу.

Кабинет ректора находился в высокой башне, куда вёл винтовой коридор. На стенах висели портреты прежних руководителей Академии, но лица на них постоянно менялись.

Одно мгновение София видела старуху с венцом из костей, другое — мужчину с глазами на ладонях, третье — самого пустого портрета.

Эвелина Восс шла впереди.

— Почему все забыли мальчика?

— Потому что он не был учеником.

— Тогда кем он был?

— Предупреждением.

Ректор открыла дверь кабинета.

Внутри не было окон. Стены покрывали карты, схемы и сотни закреплённых булавками нитей. Одни нити были красными, другие — золотыми, третьи казались сделанными из дыма.

В центре комнаты стояло зеркало.

То самое.

София остановилась.

— Вы привезли его сюда?

— Оно всегда было здесь.

— Это невозможно.

— Большинство важных вещей невозможно, пока не узнаешь, что они уже произошли.

Ректор подошла к зеркалу и сняла с рамы чёрную ткань.

Поверхность была мутной. Вместо отражения София увидела длинный каменный коридор.

Внизу горели синие свечи.

— Что это?

— Нижняя школа.

— В Академии есть ещё одна школа?

— Та, которую построили до Академии.

На зеркале возникла надпись:

ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ НОСИТЕЛЕЙ ЧУЖОЙ ПАМЯТИ.

София прочитала её дважды.

— Что значит «чужой памяти»?

Ректор взглянула на неё.

— Сколько воспоминаний ты видела вчера?

— Одно.

— Ты ошибаешься.

Зеркало потемнело.

И София вспомнила.

Воспоминание четвёртое: снег

Она была маленькой.

Ей не могло быть больше пяти лет.

За окном шёл снег. София сидела на полу своей детской комнаты и строила из белых кубиков башню.

Мать стояла у кровати.

— Не смотри на меня, — сказала она.

— Почему?

— Потому что сегодня я не я.

Мать повернулась.

Её лицо изменилось.

София видела его впервые: оно стало лицом старого мужчины, затем молодой девушки, затем неизвестной женщины с гладкой кожей без глаз.

Маленькая София засмеялась.

— Ещё!

— Это не игра.

— Ещё!

Мать опустилась перед ней на колени.

— Если однажды ты увидишь меня и не узнаешь, не подходи.

— Почему?

— Потому что это буду не я.

Дверь распахнулась.

Вошёл отец. Он был моложе, чем София помнила. В его руках горел жезл.

— Адела, — сказал он. — Пора.

— Она ещё слишком мала.

— Именно поэтому её можно спрятать.

— От кого?

Отец посмотрел на ребёнка.

— От тех, кто уже знает её имя.

За спиной отца стоял мужчина в белой маске.

София не помнила его.

Но сейчас узнала.

Это был человек из огненной комнаты.

Он протянул руку к ней.

Мать встала между ними.

— Ты не получишь её.

— Она не твоя дочь, — ответил мужчина. — Она дверь.

Воспоминание оборвалось.

София вернулась в кабинет ректора и упала на колени.

Её тошнило.

— Я была слишком маленькой, — прошептала она. — Почему я этого не помнила?

— Тебе стёрли память.

— Кто?

— Твой отец.

— Он говорил, что защищает меня.

— Он действительно защищал тебя.

— А потом?

— Потом испугался, что защита не сработала.

София медленно поднялась.

— Что за дверь?

Ректор не ответила.

— Я спросила, что за дверь!

Зеркало за её спиной дрогнуло.

На поверхности появилась белая маска.

— Не кричи, — произнесла мать голосом Софии. — Иначе услышат.

— Кто?

— Те, кто живёт там, где заканчиваются лица.

София бросилась к зеркалу.

Её пальцы коснулись стекла.

На этот раз поверхность не сопротивлялась.

Она провалилась внутрь.

Камень ударил её под ноги.

София очутилась в подземном коридоре.

Позади не было зеркала. Только каменная стена, покрытая влажными трещинами.

Рядом стояла ректор.

— Вы могли предупредить, — сказала София.

— Предупреждение не делает падение менее болезненным.

— Где мы?

— Под Академией.

Коридор уходил в обе стороны. В нишах горели синие свечи, но огонь у них двигался вниз, словно вопреки природе.

На стенах были написаны имена.

София провела пальцами по ближайшей надписи.

Илария Венн.

Камень под её рукой стал тёплым.

Из стены донёсся вздох.

София отдёрнула ладонь.

— Здесь люди?

— Здесь воспоминания людей.

— Разница невелика.

— Ошибаешься. Человека можно убить. Воспоминание — нет. Его можно только изменить.

— Кто создал это место?

— Первые маги.

— Зачем?

— Чтобы спрятать то, что не могли уничтожить.

Они пошли дальше.

На полу лежали осколки масок. Некоторые были человеческими, другие напоминали морды зверей, птиц или существ, которых София не могла назвать.

В конце коридора находилась дверь.

Она была покрыта золотыми линиями, а в центре имела углубление в форме ладони.

Ректор остановилась.

— За этой дверью хранится память твоей матери.

София посмотрела на неё.

— Вы знали?

— Да.

— Почему не показали раньше?

— Потому что ты должна была прийти сама.

— Все взрослые в этой школе говорят загадками?

— Только те, кто хочет дожить до следующего года.

София приложила ладонь к двери.

Золотые линии вспыхнули.

Дверь открылась.

За ней находился зал, наполненный водой.

Вода плавала в воздухе, образуя прозрачные колонны. Внутри каждой колонны двигались сцены: дети, бегущие по лесу; старики, произносящие заклинания; города, исчезающие в огне.

В центре зала стоял стеклянный саркофаг.

В нём лежала женщина.

София сразу узнала её.

Мать.

Адела Морн выглядела так же, как в последних воспоминаниях: тёмные волосы, тонкое лицо, золотые птицы на платье.

Она была жива.

Её глаза были закрыты.

— Нет, — сказала ректор. — Это не тело.

София подошла ближе.

— Но она здесь.

— Это её память о себе.

— Она может проснуться?

— Если ты откроешь саркофаг.

— И что произойдёт?

— Она вернётся.

— В каком виде?

Ректор молчала.

Из глубины зала донёсся голос:

— В том, который ты ей подаришь.

София обернулась.

На другом конце помещения стоял мальчик без рта.

Теперь рот у него был.

Но он принадлежал не ему.

Это был рот её матери.

— Ты, — прошептала София.

— Я был первым, кого она нашла.

— Что ты такое?

— Ученик.

— Ты не настоящий.

— Настоящим быть необязательно, чтобы страдать.

Он сделал шаг.

Его лицо дрогнуло. На мгновение оно стало лицом мальчика, затем Эвелины Восс, затем Софии.

— Она ждала тебя.

— Моя мать?

— Та, кто осталась после неё.

София почувствовала, как по коже пробежал холод.

— Что это значит?

Мальчик улыбнулся чужим ртом.

— Твоя мать перешла за Вуаль. Но часть её осталась здесь. Часть — в тебе. А часть — там.

— Где «там»?

Он указал на потолок.

Камень над ними исчез.

София увидела бесконечную тьму и множество медленно открывающихся глаз.

— За пределами мира.

Ректор резко подняла жезл.

— Замолчи!

Мальчик расхохотался.

Все водяные колонны одновременно дрогнули.

Воспоминания внутри них начали смешиваться.

Люди превращались в птиц. Города возникали внутри детских комнат. Старики становились детьми. На одной из колонн София увидела себя — но старше, с тёмными линиями на лице.

София подошла к ней.

— Кто ты?

Будущая София повернула голову.

— Та, кто открыла дверь.

— Я не открою её.

— Ты уже открыла.

— Нет.

— Тогда почему я здесь?

София ударила по колонне.

Вода разлетелась.

Будущее исчезло.

Но вместе с ним исчезла часть зала.

Мальчик закричал.

Ректор схватила Софию за плечо.

— Бежим!

— Моя мать!

— Это не она!

— Я знаю!

— Нет, не знаешь!

Позади них стеклянный саркофаг начал раскрываться.

Внутри поднялась женщина.

Она открыла глаза.

Золотые.

Точно такие же, как у Софии.

— София, — сказала Адела.

Девочка застыла.

Ректор потянула её к двери.

— Не слушай!

— Она моя мать!

— Она помнит, что была твоей матерью. Это не одно и то же!

Адела сделала шаг из саркофага.

Вокруг неё не было воды. Капли застывали в воздухе, превращаясь в маленькие зеркала.

В каждом зеркале отражалась София.

— Дочь, — сказала Адела. — Ты наконец пришла.

— Что с вами случилось?

— Я спасала тебя.

— От кого?

— От тебя.

София не поняла.

Адела протянула руку.

— Ты не должна была родиться с этим даром.

Ректор произнесла заклинание. Между ней и Аделой вспыхнула стена белого огня.

— София, сейчас!

Но София не двигалась.

— Что во мне?

Адела смотрела на неё с печалью.

— Не что. Кто.

В стене огня появилась трещина.

Из-за неё донёсся глубокий гул.

Все глаза в тёмном потолке открылись.

Адела прошептала:

— Он проснулся.

— Кто?

Мать посмотрела прямо на Софию.

— Тот, кто носит твоё настоящее лицо.

В этот момент всё подземелье содрогнулось.

Двери захлопнулись.

Синие свечи погасли.

А затем София услышала голос, который уже знала.

Он звучал из её собственного рта:

— Я хочу домой.

Ректор побледнела.

— Это не ты сказала.

София медленно подняла руки к лицу.

Кожа на ладонях начала меняться.

Пальцы становились длиннее.

Ногти темнели.

А отражения в водяных колоннах одно за другим поворачивались к ней.

Все они улыбались.

И у каждого было её лицо.

Конец главы 3

Глава 4. Лицо за лицом

София не закричала.

Крик застрял у неё в горле, потому что голос, который прозвучал изнутри, не был похож ни на голос девочки, ни на голос Аделы. Он состоял из множества оттенков — детских, старческих, мужских, женских. Словно несколько людей пытались произнести одну и ту же фразу одновременно.

— Я хочу домой.

Её руки дрогнули.

Кожа вернулась в прежний вид.

Водяные колонны перестали вращаться.

Но отражения не исчезли.

Они продолжали смотреть на Софию.

Ректор Эвелина Восс встала перед ней, подняв жезл.

— Назови себя.

— София Морн.

— Полное имя.

— София Аделина Морн.

— Имя матери.

— Адела Морн.

— Имя того, кто говорит через тебя.

София открыла рот.

Ответ уже поднимался внутри, готовый сорваться с языка.

Я.

Она стиснула зубы.

— Я не знаю.

Ректор кивнула.

— Хорошо. Незнание пока удерживает границу.

— Что со мной происходит?

— В тебе поселился отпечаток.

— Чей?

Адела стояла за стеной белого огня. На её лице появилось выражение боли.

— Не отпечаток, — сказала она. — Семя.

Ректор резко повернулась к ней.

— Ты не имеешь права говорить с ней.

— Я её мать.

— Ты лишь то, что от неё осталось.

— Иногда остаток помнит больше, чем целое.

София смотрела то на одну, то на другую.

— Хватит загадок! Объясните мне, что происходит!

Её голос отразился от стен.

На мгновение в зале стало тихо.

Затем все зеркала вокруг зашептали:

— Объясните.

— Объясните.

— Объясните.

— Объясните.

И каждое отражение повторяло это слово с другой интонацией: испуганно, насмешливо, гневно, умоляюще.

Ректор ударила жезлом по полу.

— **Тишина имени!**

Слово обрушилось на зал, как каменная плита.

Шёпот прекратился.

— Твой дар не просто позволяет менять лицо, — сказала ректор. — Ты способна воспринимать чужую форму как воспоминание. Для обычного метаморфа лицо — это оболочка. Для тебя — история.

— Что значит «история»?

— Надев лицо, ты чувствуешь его прошлое. Иногда желания. Иногда страхи. Иногда смерть.

София вспомнила, как в детстве зеркало показывало ей старшую версию самой себя. Вспомнила лицо матери в огне. Вспомнила мужчину в белой маске.

— А семя?

Адела закрыла глаза.

— Когда я переходила Вуаль, что-то последовало за мной.

— Что?

— Не существо. Не дух. Скорее… возможность. Оно искало человека, который сможет принять множество лиц и не разрушиться.

— И выбрало меня?

— Нет, — сказала мать. — Тебя подготовили.

Ректор побледнела.

— Замолчи.

— Кто меня подготовил? — спросила София.

Адела посмотрела вверх, туда, где за каменным потолком шевелилась тьма.

— Те, кто живёт по ту сторону.

В этот момент подземелье содрогнулось.

Белая огненная стена между Аделой и ректором пошла трещинами. Из-за неё потянулся дым — золотой, густой, с запахом горелой лаванды.

София почувствовала, как в груди открывается пустота.

Не боль.

Не страх.

Ожидание.

Кто-то с той стороны Вуали ждал, когда она сделает шаг.

— Ректор, — сказал мальчик без рта. — Вы не сможете удержать дверь.

— Я знаю.

— Тогда зачем продолжаете?

— Потому что иногда долг — это всего лишь привычка

бояться конца.

Ректор подняла жезл обеими руками.

— София, слушай внимательно. Ты должна выйти из зала через северный проход. Не оглядывайся. Не отвечай голосам. Что бы ты ни увидела, кем бы тебя ни назвали — не верь.

— А вы?

— Я задержу их.

— Их?

С потолка посыпался камень.

В тёмном проёме показалась длинная белая конечность. Она была похожа на руку, но имела слишком много суставов. На каждом пальце шевелились маленькие человеческие глаза.

Мальчик отступил.

— Они пришли.

София не могла отвести взгляда.

Конечность коснулась стены.

Все лица на водяных колоннах одновременно раскрыли рты.

И хором произнесли:

— Дочь.

Ректор схватила Софию за ворот плаща и толкнула к северному проходу.

— Беги!

София побежала.

Коридор оказался уже прежнего.

Стены сжимались с каждым шагом. Синие свечи вспыхивали одна за другой, показывая разные сцены:

София в возрасте пяти лет.

София на платформе.

София в классе метаморфоз.

София в доме Гильдии.

София, стоящая перед зеркалом, которого ещё не существовало.

Каждая сцена была воспоминанием.

Но некоторые София не помнила.

В одной из них она сидела на троне из белого камня.

Перед ней стояли люди в масках.

В другой — город Люкс-Августа лежал в руинах, а над башнями висела огромная чёрная луна.

В третьей София держала за руку незнакомого мальчика с лицом без черт.

— Не смотри, — сказала она себе.

Но свечи загорались быстрее.

Воспоминания обступали её.

Ты была здесь.

Ты уже обещала.

Ты сама открыла.

— Я не верю вам!

— Веришь, — ответил голос внутри.

София остановилась.

Перед ней стояло зеркало.

Не такое, как в галерее или кабинете ректора. Это зеркало было круглым и висело прямо в воздухе. Внутри отражалась пустая комната.

На полу комнаты лежала белая маска.

София узнала её.

Маска принадлежала мальчику без рта.

— Где ты? — спросила она.

В зеркале появился он.

Теперь у него было лицо Тиля — мальчика, которого София встретит много лет спустя. Затем лицо Маркуса. Затем Элин.

— Я всегда рядом.

— Что ты такое?

— Первое лицо.

— Чьё?

— Твоё.

София коснулась зеркала.

— Ты лжёшь.

— Ты слышишь ложь.

Она отдёрнула руку.

— Это был дар Элин.

— Это была первая способность, которую ты передала другому человеку.

София замерла.

— Я не понимаю.

— Ты создашь Гильдию. Найдёшь тех, кто умеет слышать ложь, видеть память, менять форму и прятаться в чужих снах. Ты соберёшь их, потому что будешь думать, будто строишь власть.

— А что я буду строить?

Лицо в зеркале стало её собственным.

— Путь домой.

— Куда?

Отражение улыбнулось.

— Туда, где тебя ждали до рождения.

Зеркало распалось.

София отступила.

Перед ней больше не было прохода. Только стена.

В стене находилась дверь.

Она была маленькой, детской, окрашенной в белый цвет.

На двери висела табличка:

КОМНАТА СОФИИ.

Девочка коснулась ручки.

Из-за двери донёсся плач.

Детский.

Она открыла.

Внутри находилась её прежняя детская комната.

Но всё выглядело не так.

Игрушки были покрыты пылью. На кровати лежало старое платье. У окна стояла мать.

— Ты пришла, — сказала Адела.

— Это не настоящее.

— Конечно.

— Тогда почему я здесь?

— Потому что воспоминания не обязаны быть настоящими, чтобы причинять боль.

София увидела на полу белые кубики. Точно такие, какие строила в детстве. На одном из них была нарисована дверь.

— Что ты хочешь от меня?

— Чтобы ты вспомнила всё.

— Я не хочу.

— Воля не имеет значения, если память уже проснулась.

Мать подошла к ней.

С каждым шагом её лицо менялось. София видела Аделу молодой, старой, уставшей, испуганной. Затем перед ней стояла женщина без лица.

— Ты не моя мать, — сказала София.

— Я была ею.

— Этого недостаточно.

— Для живых — нет.

— Кто ты теперь?

Женщина протянула руку.

На её ладони лежал чёрный ключ.

— Возьми.

София знала, что не должна.

Но ключ был знакомым.

Она видела такой у отца.

— Что он открывает?

— Память.

— Чью?

— Твою.

София взяла ключ.

Комната исчезла.

Воспоминание пятое: подвал

Софии было шесть лет.

Она стояла в подвале дома Морн. Рядом находился отец. Перед ними на каменном столе лежал круг из соли, серебряной пыли и высушенных лепестков.

В центре круга сидела маленькая София.

Та самая, которая видела сон.

Та, которая ничего не помнила.

На стенах горели свечи.

Лорд Морн держал в руках чёрный ключ.

— Это необходимо, — сказал он.

— Она ребёнок, — ответила Адела.

— Она носитель.

— Она наша дочь.

— Именно поэтому я хочу спасти её.

— Ты не можешь запереть память навсегда.

— На десять лет.

— А потом?

Отец посмотрел на маленькую Софию.

— К тому времени она будет достаточно сильной.

— Или достаточно сломанной.

— Адела…

— Ты уже начал говорить как они.

За дверью послышался стук.

Три удара.

Отец поднял жезл.

— Они нашли нас.

Адела наклонилась к ребёнку.

— София, слушай меня. Что бы ни случилось, не открывай дверь.

— Я хочу к маме.

— Я рядом.

— Ты уйдёшь?

Адела улыбнулась сквозь слёзы.

— Только на время.

Маленькая София протянула руку.

Мать коснулась её лба.

— Забудь этот день.

Чёрный ключ вошёл в воздух между ними.

Не в тело.

В память.

София закричала.

Дверь подвала распахнулась.

Вошёл мужчина в белой маске.

За ним стояли люди в серых плащах.

— Поздно, — сказал он. — Переход уже начался.

Адела поднялась.

— Она не ваша.

— Нет. Она наша.

Мужчина снял маску.

Под ней не было лица.

Только гладкая белая кожа.

— Мы ждали ребёнка, способного удержать несколько отражений. Но ваша дочь оказалась лучше, чем мы надеялись.

Отец произнёс заклинание.

Мать — другое.

Подвал наполнился светом.

А маленькая София забыла.

Забыла отца.

Забыла мать.

Забыла белую маску.

Забыла, что в мире существует что-то за Вуалью.

Но прежде чем воспоминание исчезло, она услышала шёпот.

Я буду ждать тебя в каждом лице.

София очнулась на полу коридора.

Чёрный ключ лежал у неё в ладони.

Она сжала его так сильно, что металл впился в кожу.

— Всё это время… — прошептала она.

Перед ней стоял лорд Морн.

Не воспоминание.

Не призрак.

Настоящий.

Он был старше, чем в видении, но глаза оставались теми же.

— Отец?

Лорд Морн поднял руки.

— София, не приближайся.

— Вы знали.

— Я пытался защитить тебя.

— Вы стерли мне память.

— Я спас тебе жизнь.

— Вы отдали меня школе.

— Потому что дома тебя больше нельзя было скрывать.

— Мама жива?

Он закрыл глаза.

— Не так, как ты хочешь.

— Что это значит?

— Она перешла Вуаль.

— Я видела её.

— Ты видела то, что умеет говорить её голосом.

София подняла чёрный ключ.

— А это?

Лорд Морн отшатнулся.

— Где ты его взяла?

— У неё.

Отец тяжело дышал.

— Ты должна отдать его мне.

— Зачем?

— Он открывает не память.

— Тогда что?

— Твоё настоящее лицо.

За спиной Софии раздался низкий гул.

Стены коридора начали покрываться трещинами.

Из них потёк золотой дым.

Лорд Морн вытащил жезл.

— Слушай меня. Если ключ повернётся, всё, что находится внутри тебя, получит форму.

— А если не повернётся?

— Оно всё равно найдёт путь.

— Вы лжёте.

— Да, — сказал отец. — Но только в этом.

София услышала ноту в его голосе.

Он говорил правду.

Впервые за много лет.

Она повернула ключ.

Весь подземный уровень взорвался светом.

София почувствовала, как её тело разрывается на множество частей. Не плоть — память. Каждое лицо, которое она когда-либо видела, стало отдельной дверью.

Лицо матери.

Лицо отца.

Лицо ректора.

Лицо безымянного мужчины.

Лица будущих друзей.

Лица тех, кого она ещё не встретила.

Все они говорили одновременно.

Выбери.

Открой.

Стань.

Вернись.

София кричала.

Перед ней возникла Вуаль.

Она была похожа на огромное полотно из золота и дыма. За ней двигались города, леса, пустыни и звёзды. На поверхности проступали тысячи лиц.

Одно лицо отделилось от остальных.

Оно было гладким и белым.

— София Морн, — произнесло существо. — Наконец-то ты вспомнила.

— Кто ты?

— Тот, кто был рядом до твоего первого вдоха.

— Назови себя.

Существо наклонило голову.

— Имя — это лицо, которое дают страху.

— Я спросила, кто ты!

— Я — **Морок Лица**.

Оно протянуло руку.

— Вернись домой.

— Это не мой дом.

— Ты просто забыла.

— Я помню достаточно.

— Нет. Ты помнишь боль. Это не одно и то же.

София взглянула на Вуаль.

За ней стояла мать.

Настоящая или нет — она уже не знала.

Адела подняла руку и показала на Софию.

Не верь ему.

София посмотрела на Морока.

— Если я войду, ты отпустишь мою мать?

— Я не удерживаю её.

— Тогда кто?

— Ты.

София почувствовала, как внутри неё что-то шевельну-

лось.

Не Морок.

Другая сила.

Собственный дар.

Она поняла: всё это время метаморфоза была не способностью менять лицо. Она была способностью удерживать границу между тем, кем человек является, и тем, кем его пытаются сделать.

Морок не мог войти в неё силой.

Ему требовалось приглашение.

София улыбнулась.

— Ты ошибся.

— В чём?

— Я не дверь.

Её лицо начало меняться.

Сначала оно стало лицом матери.

Морок отступил.

Затем лицом отца.

Потом ректором.

Мальчиком без рта.

Каждое лицо исчезало, уступая место следующему.

София меняла их одно за другим, не принимая ни одного.

— Я — зеркало.

Морок закричал.

Вуаль взорвалась золотым пламенем.

Все отражения вокруг одновременно раскололись.

Отец исчез.

Коридор исчез.

Мать протянула к Софии руки.

— Запомни меня, — сказала она.

— Я запомню.

— Но не открывайся мне.

— Почему?

— Потому что даже любовь может стать дверью.

Адела исчезла.

София упала в темноту.

Когда она очнулась, над ней стояла ректор.

София лежала в больничной комнате Академии. На стенах горели мягкие зелёные лампы. Рядом стояли чаши с лунной водой и маленькие кристаллы, удерживающие защитное поле.

— Сколько я была без сознания? — спросила София.

— Три дня.

— Отец?

Ректор промолчала.

София уже знала ответ.

— Он умер?

— Нет.

— Тогда где он?

— Исчез.

София закрыла глаза.

В ладони всё ещё был чёрный ключ.

Но теперь он стал прозрачным.

— Что со мной будет?

— Тебя отправят домой.

— Нет.

— София…

— Я не вернусь.

— Ты больше не можешь оставаться в Академии.

— Почему?

Ректор посмотрела на её отражение в чаше с водой.

В отражении София была не одна.

За её плечом стояла белая фигура.

— Потому что теперь школа знает твоё настоящее лицо.

София повернулась.

Позади никого не было.

Когда она снова посмотрела в воду, отражение улыбалось.

Не её улыбкой.

Ректор накрыла чашу тканью.

— Тебе нельзя оставаться среди учеников.

— А куда мне идти?

— В Люкс-Августу.

— Там меня найдут.

— Да.

— Тогда зачем отправлять меня туда?

— Потому что иногда лучший способ спрятаться — стать той, кого все недооценивают.

Ректор достала из-под плаща письмо.

На нём стояла печать дома Морн.

— Твой отец оставил это перед исчезновением.

София разломила печать.

Внутри было всего несколько строк:

> София.
> Если ты читаешь это, значит, я не успел закрыть Вуаль.
> Не ищи свою мать. Не верь тем, кто скажет, что любит тебя.
> И главное — никогда не создавай Гильдию.
>
> Твой отец.

София перечитала письмо.

Затем аккуратно сложила его.

— Я создам её.

Ректор внимательно посмотрела на неё.

— Что?

— Гильдию.

— Зачем?

София поднялась с постели.

Её отражение в окне запоздало на долю секунды.

— Чтобы никто больше не мог стереть мне память.

Она подошла к двери.

На пороге остановилась.

— Ректор.

— Да?

— Мальчик без рта. Он был настоящим?

Эвелина Восс отвела взгляд.

— В Академии нет ученика с таким именем.

— А имя у него было?

Ректор ответила не сразу.

— Когда-то его звали **Николас Морн**.

София застыла.

— Он мой брат?

— Твой старший брат.

— Почему я о нём не помню?

— Потому что он умер до твоего рождения.

София почувствовала холод.

— Тогда кто был со мной в поезде?

Ректор посмотрела на закрытую чашу с водой.

Из-под ткани донёсся тихий смешок.

— Вот это тебе и предстоит выяснить.

За окном Академии протрубил поезд.

Золотой дым пополз над башнями.

София надела дорожный плащ и вышла из комнаты.

Впереди её ждал Люкс-Августа.

Город дворцов, тайных домов и древних магических узлов.

Город, где начиналась власть Гильдии Вуали.

А в зеркале напротив двери осталась белая надпись:

ПЕРВОЕ ЛИЦО ПРОСНУЛОСЬ.

Конец главы 4

Глава 5. Возвращение в город

Поезд до Люкс-Августы отправлялся в полночь.

Он стоял на платформе без рельсов, окутанный золотым дымом. В его окнах не отражались пассажиры — только места, которые поезд уже посетил.

София остановилась перед вагоном.

За последние три дня она почти не спала. Каждый раз, когда закрывала глаза, видела Вуаль. За ней двигались лица, города и звёзды, а среди них — лицо матери.

Иногда Адела звала её.

Иногда просила не приходить.

Хуже всего было то, что оба голоса звучали одинаково.

— Ты уверена? — спросила ректор Эвелина Восс.

— Нет.

— Хороший ответ.

— Вы не станете меня удерживать?

— Я уже пыталась. В подземной школе.

— И не смогли.

— Потому что ты ещё не решила, кто ты. Человека, который не знает себя, невозможно удержать. Он каждый раз становится другим.

София посмотрела на поезд.

На двери вагона был вырезан знак Академии: закрытый глаз, окружённый семью линиями.

— Что будет, если я вернусь?

— Дом Морн больше не принадлежит тебе.

— Мой отец жив.

— Это не означает, что дом ждёт тебя.

— А если он оставил там что-то важное?

Ректор достала из кармана небольшой серебряный медальон.

— Твоя мать носила его.

София взяла медальон. Внутри находилась тонкая прядь чёрных волос и маленькая фотография — или, скорее, застывшее воспоминание.

Адела стояла на фоне белых башен. Она улыбалась, но лицо её слегка расплывалось, будто память не могла решить, какой именно должна быть улыбка.

На обороте было выгравировано:

ЛЮБОЕ ЛИЦО ИМЕЕТ ЦЕНУ.

— Он принадлежал матери?

— Да.

— Почему вы отдаёте его мне?

— Потому что теперь он будет нужен тебе.

— Для чего?

Ректор посмотрела на её отражение в окне поезда.

Отражение Софии стояло неподвижно.

— Чтобы вспомнить, кому ты не должна доверять.

— Вам?

— В первую очередь мне.

Ректор отступила.

София поднялась в вагон.

Дверь закрылась.

Поезд тронулся без звука.

Внутри было пусто.

На сиденьях лежали белые конверты. Каждый носил имя пассажира, но имя Софии было написано на всех.

Она выбрала ближайший.

Внутри находился лист бумаги.

> Не садись в последний вагон.

София посмотрела в конец коридора.

Там виднелась дверь, за которой мерцал слабый золотой свет.

Она улыбнулась.

— Разумеется.

Через несколько минут поезд вышел из тумана.

За окнами появилась ночь Люкс-Августы.

Город сиял так, словно его башни были вырезаны из луны. Магические фонари плавали над улицами. По мостам двигались экипажи, запряжённые прозрачными лошадьми. Вдалеке вращалось Колесо Времени — огромный механизм над Дворцом Советов, где каждый зубец соответствовал одному году правления.

София не была в городе три года.

Но город изменился.

Или изменилось её зрение.

Теперь она замечала то, что раньше скрывалось от обычного взгляда.

На крышах сидели тени-наблюдатели.

На дверях богатых домов мерцали защитные печати.

Между прохожими двигались люди без отражений.

Некоторые лица были настоящими.

Некоторые — взятыми напрокат.

Поезд замедлился.

На стекле появилось лицо мальчика без рта.

— Не выходи на главной станции, — сказал он.

— Почему?

У него медленно появился рот.

— Твой отец ждёт там.

— Он исчез.

— Люди часто исчезают только для тех, кому не хотят показываться.

— Ты действительно Николас?

Лицо мальчика стало старше.

Перед Софией оказался юноша лет семнадцати. Он был

похож на отца, но глаза у него были материнские.

— Когда-то.

— Ты умер до моего рождения.

— Да.

— Значит, ты призрак?

— Нет.

— Тогда что?

Он прикоснулся к стеклу.

— Я — воспоминание, которое отказалось умереть.

Поезд остановился.

Двери раскрылись.

На платформе горели сотни фонарей. Пассажиры сошли один за другим, но никто не замечал Софию.

Она осталась в вагоне.

— Где отец? — спросила она.

— В последнем вагоне.

София вспомнила письмо.

Не садись в последний вагон.

— Ты хочешь, чтобы я пошла туда.

— Я хочу, чтобы ты знала, почему нельзя.

— Это разные вещи.

— Для живых — да.

Из последнего вагона донёсся стук.

Три удара.

София почувствовала холод в ладони.

Медальон Аделы нагрелся.

— Что там?

Николас исчез со стекла.

Ответом стал голос отца:

— София.

Она сделала шаг к коридору.

— Не открывай, — прошептал Николас.

— Это голос моего отца.

— Именно поэтому.

— Ты сказал, что он ждёт меня.

— Я сказал, что он ждёт. Это не значит, что за дверью находится он.

Стук повторился.

— София, — позвал голос. — Мне нужна твоя помощь.

Она подошла к последней двери.

На ней не было замка.

Только зеркало.

В отражении София увидела лорда Морна.

Он стоял в тёмном коридоре, связанный золотыми цепями. На его лице были следы ожогов.

— Отец?

— Не открывай, — повторил Николас.

— Он ранен.

— Это не отец.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что настоящий отец никогда не просит помощи.

София всмотрелась в отражение.

Лорд Морн поднял голову.

— София, я ошибался. Я должен был рассказать тебе правду. Ты единственная, кто может спасти меня.

В его голосе звучала боль.

Настоящая.

Именно поэтому София поверила.

Она коснулась зеркала.

Поверхность дрогнула.

— София! — крикнул Николас.

София отдёрнула руку.

Слово было произнесено голосом матери.

Не Николаса.

Не отца.

Аделы.

— Мама?

Зеркало раскололось.

Из трещины выскользнула тонкая чёрная нить и обвилась вокруг её запястья.

София почувствовала чужое воспоминание.

Воспоминание шестое: дверь

Отец стоял перед дверью подземного зала.

Ему было тридцать лет. В руках он держал маленькую Софию. Ребёнок спал, прижавшись к его плечу.

По ту сторону двери кто-то плакал.

— Эдриан, — сказала Адела. — Поставь её на землю.

— Нет.

— Если она войдёт в Вуаль вместе с нами, пути назад не будет.

— Ты уже решила уйти.

— Я должна.

— Ты можешь остаться.

— Не могу.

Адела посмотрела на ребёнка.

— Она будет искать меня.

— Я заставлю её забыть.

— Память нельзя держать взаперти вечно.

— Тогда я построю для неё другую жизнь.

— Без меня?

— С безопасностью.

Адела коснулась лица дочери.

— Без правды.

— Правда убьёт её.

— Ложь тоже.

За дверью что-то ударило.

Эдриан отступил.

— Оно знает, что она здесь.

— Тогда уходи.

— А ты?

Адела улыбнулась.

— Я уже ушла.

Она вошла в Вуаль.

Дверь закрылась.

Эдриан остался один.

Маленькая София проснулась.

— Где мама?

Он посмотрел на неё.

И произнёс заклинание забвения.

София вернулась в поезд.

Чёрная нить исчезла.

Зеркало стало обычным.

На станции никого не осталось.

Поезд стоял неподвижно, хотя двери были открыты.

— Он любил её, — сказала София.

Николас появился в окне.

— Да.

— И всё равно стёр ей меня из памяти.

— Он думал, что спасает тебя.

— Все так говорят.

— Иногда это правда.

— Ты тоже пытаешься меня спасти?

— Нет.

— Тогда зачем ты здесь?

Николас посмотрел на неё.

Его лицо менялось, как поверхность воды.

— Потому что я не смог уйти.

— Чего ты хочешь?

— Чтобы ты не повторила путь матери.

— Что с ней стало?

— Она решила, что сможет пройти через Вуаль и вернуться прежней.

— А нельзя?

— Можно. Но никто не возвращается один.

За окном станции погас последний фонарь.

— Как мне попасть домой?

Николас указал на дверь вагона.

— Иди пешком.

— По городу?

— Через рынок зеркал.

— Он ещё существует?

— Только для тех, кто ищет неправильную вещь.

София сошла с поезда.

Когда она обернулась, состава уже не было.

На пустой платформе остался только золотой дым.

Рынок зеркал находился под городом.

Вход в него открывался через старую часовню, где вместо статуи божества стояло высокое зеркало без отражения. София знала это место по детским воспоминаниям, но никогда не была здесь сама.

У двери часовни сидела старуха.

Она продавала маленькие стеклянные глаза, нанизанные на серебряную нить.

— Вход стоит одно воспоминание, — сказала старуха.

— У меня нет денег.

— Я не просила денег.

— Какое воспоминание?

— Любое.

София коснулась медальона матери.

— А если я откажусь?

— Тогда зеркало не увидит тебя.

— Я могу пройти без него.

— Все так думают до тех пор, пока не понимают, что уже стоят по ту сторону.

София посмотрела на зеркало.

Его поверхность оставалась пустой.

— Что вы продаёте?

— Лица.

— Зачем кому-то покупать чужое лицо?

— Чтобы прожить чужую жизнь хотя бы один вечер.

— А если человек не захочет возвращаться?

— Тогда мы берём плату за хранение.

— Какую?

Старуха улыбнулась.

— Имя.

София достала из кармана серебряную монету.

— Этого достаточно?

— Ты можешь купить дверь, но не можешь купить вход.

Старуха протянула руку.

— Отдай воспоминание.

София подумала о доме Морн.

О матери.

О ночи, когда отец стёр ей память.

Она могла отдать один момент, который уже не принадлежал настоящему.

— Хорошо.

Старуха коснулась её лба.

Мир вспыхнул.

София забыла запах отцовского кабинета.

Всего на мгновение.

Но вместе с запахом исчезло чувство, которое он вызывал: безопасность, смешанная с тревогой.

Теперь кабинет стал просто комнатой.

Отец — просто человеком.

Старуха убрала руку.

— Проходи.

Зеркало стало прозрачным.

За ним начиналась лестница вниз.

Рынок зеркал был похож на город, который забыли построить до конца.

На стенах висели сотни отражений. Люди подходили к ним и примеряли чужие лица. Кто-то выбирал лицо молодого аристократа. Кто-то — старухи. Кто-то — лица давно умерших родственников.

Вдоль улицы стояли лавки.

На одной продавали воспоминания о победах.

На другой — сны.

На третьей — голоса.

— Не задерживайся, — предупредил Николас, появляясь в ближайшем отражении.

— Где ты?

— Везде, где есть поверхность.

— Ты можешь выйти?

— Иногда.

— А сейчас?

— Сейчас ты должна найти лавку с золотой вуалью.

София прошла мимо торговцев.

Они предлагали ей разные лица.

— Возьми лицо королевы.

— Возьми лицо святой.

— Возьми лицо женщины, которой никогда не отказывали.

— Возьми лицо, которое любит твой отец.

Последняя фраза заставила её остановиться.

Перед ней стояла молодая продавщица.

На её лице было лицо Аделы.

— Сколько? — спросила София.

— Одно настоящее воспоминание.

— У меня его нет.

— У тебя их слишком много.

Продавщица протянула маску.

— Надень.

София не притронулась.

— Где лавка с золотой вуалью?

Девушка улыбнулась лицом её матери.

— Ты уже на ней.

Позади Софии опустилась золотая занавесь.

Все звуки рынка стихли.

На прилавке лежала маленькая шкатулка.

Её поверхность была покрыта теми же символами, что и зеркало в доме Морн.

— Кто послал меня сюда?

— Твой брат.

— Николас?

— То, что носит его память.

— Значит, он не настоящий.

— А ты?

София открыла шкатулку.

Внутри лежал кусок чёрного стекла.

В нём отражалась белая маска.

— Что это?

— Осколок первого лица.

— Для чего он нужен?

— Чтобы увидеть того, кто говорит через тебя.

София взяла стекло.

Мир вокруг исчез.

Она оказалась в пустом зале.

Перед ней стоял мальчик без рта.

Но теперь его лицо было лицом Софии.

— Ты хотела узнать, кто я, — сказал он.

— Да.

— Я — память о том, кем ты станешь, если позволишь Мороку войти.

— Почему ты выглядишь как мой брат?

— Потому что он был первым лицом, которое Морок украл у твоей семьи.

— Что случилось с Николасом?

— Он попытался запечатать Вуаль.

— И погиб?

— Нет. Он стал ключом.

София сжала чёрное стекло.

— А я?

Мальчик сделал шаг.

— Ты — замок.

— Тогда почему я слышу его голос?

— Потому что замок тоже может говорить.

— Как закрыть дверь?

— Уничтожить ключ.

— Чёрный ключ?

— Нет.

Мальчик коснулся её груди.

София почувствовала холод.

— Твоё настоящее лицо.

Зал исчез.

Она снова стояла на рынке.

Продавщица больше не носила лицо Аделы.

Теперь перед Софией была женщина без глаз.

— Ты поняла?

— Я должна уничтожить себя?

— Нет. Ты должна впервые выбрать лицо, которое принадлежит только тебе.

София посмотрела на осколок чёрного стекла.

В нём отражалась она сама.

Но отражение не менялось.

Не улыбалось.

Не говорило.

Просто смотрело.

София поняла: это было первое лицо, которое не пыталось ей что-то навязать.

Она приложила стекло к своей щеке.

Острая кромка порезала кожу.

Кровь упала на прилавок.

Золотая вуаль вспыхнула.

Все зеркала рынка одновременно разбились.

Люди закричали.

Продавщица отступила.

— Ты не должна была выбирать сейчас.

— Почему?

— Потому что теперь город тебя узнает.

Над рынком раздался гром.

Сверху, сквозь каменные своды, донёсся звон колоколов Люкс-Августы.

Один.

Два.

Три.

София почувствовала, как по городу расходится волна магии.

Её имя произносили в башнях.

В архивах.

В домах старых аристократов.

В комнате, где люди в белых масках окружали пустой трон.

— Она вернулась, — сказал кто-то.

— Дочь Аделы.

— Наследница Вуали.

— Замок.

— Ключ.

София подняла глаза.

На разбитом зеркале проступила надпись:

ДОМ МОРН ОТКРЫТ.

Николас появился в осколке.

— Теперь тебе нужно идти туда.

— А если это ловушка?

— Разумеется, ловушка.

— Тогда зачем?

— Потому что внутри находится ответ.

— О матери?

— О тебе.

София сжала чёрное стекло и спрятала его в медальон.

— Тогда я иду домой.

— Ты уверена?

Она посмотрела на своё отражение.

— Нет.

— И всё равно?

— И всё равно.

В этот момент над рынком открылась дверь.

За ней виднелась улица Люкс-Августы.

Но город уже не был прежним.

В каждом окне стояли люди.

Все они смотрели на Софию.

И у всех было одно и то же лицо.

Лицо её матери.

София шагнула вверх.

Вслед за ней поднялся золотой дым.

А где-то далеко, в заброшенном доме на улице Пепельных Фонарей, ещё не существовавшая Гильдия Вуали сделала первый вдох.

На пустом столе появилась чёрная свеча.

И рядом с ней — записка, написанная почерком Софии:

> Начать с тех, кто умеет слышать ложь.

Глава 6. Дом, который помнил

Люкс-Августа встретила Софию дождём.

Он шёл снизу вверх.

Капли отрывались от мостовой, поднимались к крышам и исчезали в облаках. Маги называли это обратным дождём — редким явлением, возникавшим после сильного колебания Вуали.

Обычные жители прятались под навесами.

Колдуны закрывали окна.

Аристократы запирали двери.

Все чувствовали: в городе произошло что-то, о чём нельзя было говорить.

София шла по улице одна.

Золотой дым от рынка зеркал тянулся за ней тонкой полосой. Он просачивался между камнями, обвивался вокруг фонарей и исчезал только там, где поблизости находились защитные печати.

В её кармане лежал осколок чёрного стекла.

На запястье оставалась тонкая красная линия от нити,

проникшей в неё на станции.

Медальон матери висел под одеждой и нагревался всякий раз, когда София приближалась к дому Морн.

Она не помнила дороги.

Но город помнил её.

Улицы сами менялись, когда она проходила мимо. Переулки, которых не было в старых воспоминаниях, появлялись между домами. Двери открывались в пустоту. Витрины отражали не прохожих, а сцены из их прошлого.

На перекрёстке София остановилась.

Перед ней стоял мужчина в плаще городского писца.

— Леди Морн?

— Кто спрашивает?

— Мой господин желает поговорить с вами.

— Передайте ему, что я не желаю.

— Он предвидел этот ответ.

— Значит, он умеет предвидеть очевидное.

Мужчина улыбнулся.

— Он сказал, что вам стоит спросить о вашем брате.

София замерла.

— О Николасе?

— Вы его знаете?

— Я знаю, что он мёртв.

— Тогда вы знаете недостаточно.

София сделала шаг к нему.

— Кто ваш господин?

Мужчина расстегнул плащ.

На его груди был знак белой маски.

София вспомнила подвал.

Людей в серых плащах.

Мужчину без лица.

Она подняла руку.

Метаморфоза отреагировала мгновенно. Пальцы стали длиннее, ногти заострились, зрачки сузились.

Писец отступил.

— Не здесь, леди Морн.

— Ты был там.

— Где?

— В подвале.

— Я служу тем, кто был там.

— Тогда передай им: я не собираюсь возвращаться.

Мужчина поклонился.

— Они уже знают.

Он щёлкнул пальцами.

В воздухе вспыхнула белая печать.

София почувствовала давление в голове. Мир вокруг начал терять цвет.

Заклинание памяти.

Она закрыла глаза.

Не защищай правду. Подари им историю, которую они хотят услышать.

Но это была не её мысль.

Это был голос Элин.

София позволила заклинанию войти.

Писец увидел, как она падает на мостовую.

Увидел, как её лицо становится пустым.

Увидел, как она забывает собственное имя.

Он удовлетворённо опустил руку.

Затем София открыла глаза.

Она стояла уже за его спиной.

— Ты слишком привык к людям, которые сопротивляются одинаково, — сказала она.

Писец резко развернулся.

София коснулась его щеки.

Дар проник в него.

На мгновение она увидела его память.

Воспоминание седьмое: белая комната

Писец был мальчиком.

Ему было около восьми лет.

Он сидел в белой комнате без окон. Перед ним стояла женщина в маске.

— Как тебя зовут?

— Леван.

— Это имя тебе дали?

— Да.

— Тогда оно тебе не принадлежит.

Женщина коснулась его лица.

— У каждого имени есть хозяин. Если хозяин умер, имя становится свободным.

— Мой отец жив.

— Теперь нет.

— Я хочу к нему.

— Тогда надень его лицо.

Перед мальчиком поставили зеркало.

В отражении стоял взрослый мужчина.

Тот самый, которого София встретила на улице.

— Ты будешь служить нам, — сказала женщина. — Не потому, что мы сильнее. А потому, что однажды ты поймёшь: без нас у тебя не останется ни лица, ни имени.

Мальчик коснулся зеркала.

Взрослый мужчина улыбнулся.

— Я согласен.

София отпустила его.

Писец упал на колени, хватаясь за лицо.

— Что вы сделали?

— Ничего.

— Вы были в моей памяти.

— Теперь и ты был в моей.

— Кто вы?

София наклонилась к нему.

— Передай своему господину, что его белые маски плохо держатся.

Она развернулась и пошла дальше.

За спиной мужчина закричал:

— Они найдут вас!

София не остановилась.

— Пусть ищут.

Дом Морн стоял на холме.

Когда-то он был одним из самых красивых зданий в северной части Люкс-Августы. Теперь стены покрывали трещины, окна заколачивали досками, а сад превратился в заросли чёрных роз.

Ворота были открыты.

Это оказалось хуже запертых.

София остановилась перед ними.

На металлической решётке висела записка.

> Дом помнит всех, кто входил.
> Но не всех выпускает.

Почерк был её.

Только буквы казались резче, словно их выводила чужая рука.

София вошла.

Сад зашевелился.

Чёрные розы повернули бутоны к ней. На каждом лепестке проступали маленькие лица. Некоторые плакали. Некоторые шептали.

— Мама.

— Отец.

— Не входи.

— Ты опоздала.

София сорвала одну розу.

Внутри цветка оказалось крошечное зеркало.

Она посмотрела в него.

На миг увидела мальчика без рта.

Николас стоял за садовой стеной и смотрел на дом.

— Ты не можешь войти, — сказала София.

— Я уже внутри.

— Тогда зачем показываешься снаружи?

— Чтобы ты поняла: дом не один.

— Что это значит?

— Он помнит меня лучше, чем тебя.

— Ты мой брат.

— Я был твоим братом.

— А сейчас?

Николас улыбнулся.

— Сейчас я — причина, по которой тебя впустят.

Входная дверь открылась.

Изнутри повеяло холодом.

София вошла.

В доме не было пыли.

Все комнаты выглядели так, словно хозяева вышли всего несколько минут назад.

На столе стояла чашка с остывшим чаем. В камине тлели угли. На лестнице лежала детская игрушка — маленькая деревянная птица с золотыми крыльями.

София узнала её.

Она принадлежала Николасу.

София подняла игрушку.

Деревянная птица открыла клюв.

— Ты обещала не забывать меня.

София уронила её.

— Я была младенцем.

— Ты всё равно обещала.

С лестницы донёсся шаг.

На верхней площадке стоял лорд Эдриан Морн.

Он выглядел так, словно не спал несколько лет. Волосы поседели, лицо осунулось, а в правой руке он держал жезл из белого дерева.

— София.

Она подняла ладонь.

— Не приближайтесь.

— Ты вернулась.

— Вы знали, что я приду?

— Я оставил тебе письмо.

— Вы оставили мне предупреждение.

— Это было всё, что я мог сделать.

— Вы могли сказать правду.

Отец спустился на одну ступень.

— Правда не спасает людей. Иногда она лишь даёт страху имя.

— Вы стерли мне память.

— Я уберёг тебя от того, что пришло за ней.

— Вы отдали меня Академии.

— Академия была единственным местом, где тебя могли научить защищаться.

— А потом вы исчезли.

— Я пытался закрыть проход.

— И не смогли.

— Нет.

София посмотрела на белый жезл.

— Где он?

— Кто?

— Морок.

Эдриан сжал жезл.

— Ты уже слышала его.

— Он говорил через меня.

— Значит, он нашёл путь.

— Что ему нужно?

— Не ты.

София замолчала.

— Ону нужен кто-то другой? — спросила она.

— Ему нужен город.

За стенами дома прогремел гром.

Чёрные розы за окнами одновременно закрылись.

— Объясните.

Эдриан подошёл к старому шкафу и достал оттуда карту Люкс-Августы.

Она была нарисована на тонкой коже, покрытой серебряными линиями. Под городом проходила сеть магических потоков.

— Люкс-Августа построена на семи узлах силы, — сказал он. — Первый находится под Дворцом Советов. Второй — в старом театре. Третий — под Академией. Четвёртый — в катакомбах храма Безымянного Света. Остальные скрыты.

— И Морок хочет открыть их?

— Он хочет соединить их.

— Для чего?

— Чтобы Вуаль опустилась на город.

— Что произойдёт?

— Люди начнут менять лица.

— Метаморфозы?

— Хуже. Их воспоминания станут общими. Никто не будет знать, где заканчивается он сам и начинается другой.

София вспомнила рынок зеркал.

Лица на витринах.

Одинаковые лица матери в окнах.

— Он уже начал.

— Да.

— И вы всё это время пытались остановить его в одиночку?

— Не в одиночку.

В глубине дома хлопнула дверь.

Эдриан повернул голову.

— Он привёл их.

— Кто пришёл?

Окна покрылись белым инеем.

На стекле одна за другой проступили ладони.

Десятки.

Сотни.

По коридору разнёсся тихий шелест одежды.

В дом вошли люди в белых масках.

Они появлялись из стен, из зеркал, из тёмных дверных проёмов. Некоторые были мужчинами, другие — женщинами, но маски скрывали всех.

Впереди шла женщина в длинном сером платье.

— Эдриан Морн, — сказала она. — Ты слишком долго прятал наследницу.

Отец поднял жезл.

— Ордену запрещено входить в мой дом.

— Твой дом больше не принадлежит тебе.

Женщина посмотрела на Софию.

— Леди Морн, я пришла предложить вам защиту.

— От кого?

— От самой себя.

— Вы уже использовали эту фразу.

— Мы используем её часто, потому что она верна.

София почувствовала знакомую ноту в её голосе.

Ложь.

Но не полную.

Женщина действительно считала, что предлагает защиту.

Просто под защитой подразумевала плен.

— Как вас зовут? — спросила София.

— Настоятельница Ордена, Селеста Вейн.

— Вы служили мужчине в белой маске?

На лице настоятельницы ничего не изменилось.

Но её память дрогнула.

София увидела вспышку: белая комната, ребёнок, гладкое лицо без черт.

— Мы служим не человеку, — ответила Селеста. — Мы служим порядку.

— Порядок без лиц?

— Лица порождают ложь.

— А маски?

— Маски скрывают её.

— Тогда почему вы боитесь показать свои?

София шагнула вперёд.

Селеста подняла руку.

Из пола вырвались серебряные цепи.

Они обвились вокруг Софии, но не коснулись тела. Цепи связали её отражение в ближайшем зеркале.

София почувствовала, как её настоящее лицо тянет наружу.

Кожа задрожала.

Глаза стали разного цвета.

Отец произнёс заклинание.

Белые вспышки столкнулись посреди зала.

Дом застонал.

Стены раскрыли рты.

— Прекратите, — сказал Эдриан.

— Ты не имеешь права приказывать, — ответила Селеста.

— Этот дом помнит договор.

— Договор нарушен.

— Не мной.

— Твоей женой.

При упоминании Аделы дом содрогнулся.

На всех стенах одновременно появились её лица.

Молодая.

Старая.

Испуганная.

Безглазая.

Селеста отступила.

— Она внутри, — прошептала она.

— Да, — сказал Эдриан.

София посмотрела на отца.

— Что значит «внутри»?

Отец не ответил.

И этого оказалось достаточно.

София повернулась к стене.

На штукатурке проступило лицо матери.

— София, — сказала Адела.

— Ты здесь?

— Не открывай нижнюю дверь.

— Где она?

— Под домом.

— Что там?

— То, что отец прятал от тебя.

Эдриан резко направил жезл на стену.

— Замолчи!

Лицо Аделы улыбнулось.

— Он боится не Морока.

София посмотрела на отца.

— Чего вы боитесь?

Эдриан ответил едва слышно:

— Того, что ты вспомнишь, кто открыл Вуаль впервые.

София ощутила, как цепи вокруг её отражения ослабли.

Селеста заметила это и выкрикнула:

— Не слушайте её! Это не Адела!

— А кто?

Настоятельница замолчала.

София повернулась к ней.

— Вы знаете.

— Я знаю достаточно, чтобы понимать: если вы откроете нижнюю дверь, город погибнет.

— А если не открою?

— Морок найдёт другой путь.

— Значит, выбор между двумя катастрофами?

— Нет. Между катастрофой, которую можно остановить, и той, что уже началась.

София взглянула на отца.

— Где ключ?

Эдриан закрыл глаза.

— У тебя.

София достала медальон.

Он раскрылся сам.

Внутри, под изображением Аделы, лежал крошечный золотой ключ.

Не чёрный.

Золотой.

Символ на его головке изображал лицо без черт.

— Это ключ от нижней двери? — спросила София.

Отец не ответил.

— Вы дали его мне.

— Твоя мать дала.

— Перед тем как перейти Вуаль?

— Нет.

София медленно подняла взгляд.

Эдриан смотрел на неё с ужасом.

— Она дала его тебе в ночь, когда ты родилась.

— Но я не могла помнить.

— Именно.

В доме погасли все огни.

Снизу раздался стук.

Три удара.

Как в поезде.

Как в подземной школе.

Как в детском сне.

София почувствовала, что чёрный осколок в медальоне нагревается.

Золотой ключ повернулся сам.

Где-то под домом открылась дверь.

И голос Аделы прошептал:

— Теперь ты можешь узнать, кто был твоим первым лицом.

Пол под ногами раскололся.

София, её отец, Селеста и люди Ордена провалились в темноту.

Последнее, что она увидела перед падением, — отражение в разбитом зеркале.

В нём стояла она сама.

Но за её спиной находился Николас.

И держал за руку маленькую Софию.

Конец главы 6

Глава 7. Первое лицо

Падение длилось слишком долго.

София успела услышать, как кричит Селеста, как отец

произносит защитное заклинание, как люди Ордена один за другим исчезают в золотом дыму.

Потом исчезло и ощущение падения.

Она приземлилась на твёрдую поверхность.

Не на камень.

На воду.

Чёрная гладь разошлась под её ногами кругами, но не позволила утонуть. Вокруг царила темнота. Сверху не было видно ни потолка, ни лестницы. Только далёкие золотые огни, похожие на звёзды.

София поднялась.

— Отец?

Ответа не было.

— Ректор Селеста?

Тишина.

Она сделала шаг.

Вода под ногами отозвалась шёпотом:

— София.

Девочка остановилась.

— Кто здесь?

— Ты.

— Я здесь.

— Не вся.

В темноте зажглась первая свеча.

Затем вторая.

Потом третья.

Они стояли прямо на воде, образуя дорожку. София пошла вперёд.

С каждым шагом вокруг проявлялись очертания огром-

ного зала. Стены были покрыты зеркалами, но ни в одном не отражалась сама София.

Вместо неё в зеркалах стояли другие люди.

Отец в молодости.

Адела перед переходом.

Николас, ещё живой.

Ректор Эвелина Восс.

Настоятельница Селеста.

И среди них — незнакомая девочка лет пяти.

Она сидела на полу и держала в руках золотую маску.

София подошла ближе.

Девочка подняла голову.

У неё были глаза Софии.

— Ты пришла поздно, — сказала она.

— Кто ты?

— Та, кого оставили первой.

— Где остальные?

Девочка посмотрела на зеркала.

— Они все уже внутри.

— Внутри чего?

— Дома.

— Это подземелье под домом Морн?

— Нет.

Девочка подняла золотую маску.

— Это место, которое было под домом до того, как дом построили.

София почувствовала холод.

— Кто тебя оставил?

— Твоя мать.

— Почему?

— Она не могла взять всех.

— Кого всех?

Девочка встала.

На её платье были вышиты семь закрытых глаз.

— Лица.

Она приложила маску к своему лицу.

Золотой металл растворился в коже.

Черты девочки изменились.

Перед Софией стояла Адела.

Но не та, которую она видела в воспоминаниях.

Эта Адела была моложе, почти такой же, какой её помнила София из детства. Только глаза казались пустыми, а улыбка — слишком спокойной.

— Мама?

— Нет.

— Тогда прекрати принимать её лицо.

— Почему? Тебе оно не нравится?

София сжала кулаки.

— Кто ты?

— Я уже сказала.

— Ты сказала, что ты первая.

— Первое лицо.

Зал отозвался гулом.

Во всех зеркалах лица повернулись к Софии.

— До Морока, — продолжила девочка, — существовали только воспоминания. Они были бесформенными. Люди могли помнить друг друга, но не могли передать память. Тогда появилась первая маска.

— Кто её создал?

— Ты.

София рассмеялась.

— Я родилась одиннадцать лет назад.

— Тело — да. Лицо — раньше.

Девочка сняла маску.

Её лицо стало гладким и белым.

— Ты была первой, кто вошёл в Вуаль и вернулся.

— Я никогда не входила туда.

— Не этим телом.

По воде перед Софией прошла рябь.

В ней возникло изображение: огромная зала, похожая на подземную. В центре стояла женщина с лицом Софии. Вокруг неё собрались люди в серых плащах.

Женщина держала на руках младенца.

— Адела? — спросила София.

— Адела была сосудом, — ответило Первое лицо. — Но не источником.

— Что за младенец?

— Ты.

Изображение изменилось.

Адела передала ребёнка другому человеку.

София узнала его.

Это был мужчина в белой маске.

— Он забрал меня?

— Он пытался.

— А мать?

— Она спрятала тебя внутри себя.

— Внутри себя?

— Не телом. Памятью.

София почувствовала, как её сердце ускоряется.

— Поэтому я видела её воспоминания?

— Поэтому ты слышишь её голос. Поэтому Морок считает тебя своим домом.

— Я не его дом.

— Пока нет.

Слова прозвучали спокойно.

Слишком спокойно.

София отступила.

— Где мой отец?

— Ищет дверь.

— Где Селеста?

— Ищет тебя.

— А ты?

Первое лицо улыбнулось лицом Аделы.

— Я жду, когда ты выберешь, кем быть.

София услышала далёкий стук.

Три удара.

Затем голос отца:

— София! Не слушай его!

Первое лицо помрачнело.

— Он всегда говорит это, когда боится.

— Где он?

— За зеркалом.

София подошла к ближайшей поверхности.

Эдриан Морн стоял по ту сторону стекла. На его плечах лежала пыль, лицо было исцарапано, но он оставался в сознании.

Он увидел дочь и ударил ладонью по зеркалу.

— София, отойди!

— Что это место?

— Нижний зал.

— Я уже знаю.

— Нет, ты не знаешь.

— Тогда расскажите.

Отец посмотрел на Первое лицо.

— Оно не должно было проснуться.

— Вы знали о нём?

— Мы думали, что уничтожили его.

— Кто «мы»?

— Я, Адела и ректор Восс.

— Вы все знали?

— Не всё.

— Но знали достаточно, чтобы стереть мне память.

Эдриан отвернулся.

— Да.

София подошла к зеркалу ближе.

— Почему я была первой?

— Потому что твоя мать не смогла вынести переход.

— А я смогла?

— Ты не переходила.

— Тогда что произошло?

Отец положил руку на стекло.

— Когда ты родилась, Вуаль открылась сама.

— Почему?

— Потому что ты уже была с другой стороны.

София не дышала.

— Я была мёртвой?

— Нет.

— Тогда кем?

Эдриан говорил с трудом:

— Ты была воспоминанием о ребёнке, которого ещё не существовало.

Даже Первое лицо замолчало.

София почувствовала, что под ногами исчезает вода.

— Объясните.

— Адела увидела тебя задолго до рождения. В Вуали. Ты стояла рядом с ней и держала её за руку. Ты сказала, что вернёшься. Она решила, что это видение. Потом забеременела.

— И я родилась.

— Да. Но вместе с тобой родилось то, что было по ту сторону.

— Морок?

— Не только.

Отец посмотрел на Первое лицо.

— Оно.

София обернулась.

Девочка стояла теперь совсем близко.

— Я не враг, — сказала она.

— Тогда почему все боятся тебя?

— Потому что первое лицо всегда пугает тех, кто привык к единственному.

— Ты хочешь завладеть мной?

— Нет.

— Хочешь открыть Вуаль?

— Она уже открыта.

— Тогда чего ты ждёшь?

Первое лицо приблизилось.

— Чтобы ты перестала думать, будто можешь остаться прежней.

София подняла руку.

Её лицо дрогнуло.

На миг перед девочкой возникла Адела.

Первое лицо отшатнулось.

— Ты не имеешь права использовать её лицо.

— Ты используешь его постоянно.

— Я помню её.

— Значит, ты знаешь, что она бы не позволила тебе говорить за неё.

Впервые на лице Первого лица появилась настоящая эмоция.

Гнев.

Зеркала вокруг задрожали.

Из них начали выходить фигуры.

Люди без лиц.

Одни носили формы учеников Академии. Другие — одежду слуг дома Морн. Третьи были одеты как члены Ордена.

Среди них София заметила Николаса.

Он стоял в конце зала, держа за руку маленькую девочку.

Софию.

— Это воспоминание, — сказала она.

— Все здесь воспоминания, — ответило Первое лицо.

— Но почему я вижу его?

— Потому что он принадлежит тебе.

Николас отпустил руку ребёнка и подошёл.

На его лице не было рта.

— София, — произнёс он.

— Ты настоящий?

— Достаточно, чтобы ответить.

— Что с тобой случилось?

Николас посмотрел на Первое лицо.

— Оно взяло моё лицо, когда я попытался закрыть Вуаль.

— Почему ты не сопротивлялся?

— Сопротивлялся.

— И?

— Я понял, что лицо — не человек.

— Тогда почему ты остался?

— Потому что за лицом была память о доме. О тебе. О матери.

— Ты умер?

Николас улыбнулся.

На этот раз его рот появился сам.

— Я умер, когда решил, что смогу спасти вас один.

— Можешь вернуться?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты уже вернула меня.

София почувствовала, как в глазах собираются слёзы.

— Я ничего не делала.

— Ты вспомнила.

Николас подошёл ближе.

— Вот почему Морок боится тебя. Он может владеть тем, что забыто. Но вспомненное перестаёт быть его собственностью.

Первое лицо медленно отступило.

— Не слушай его, — прошептало оно.

— Почему?

— Потому что он умер.

— А ты?

— Я тоже.

— Тогда мы равны.

София подняла чёрный осколок стекла.

Он вспыхнул.

Все зеркала в зале начали трескаться.

Николас посмотрел на неё.

— Разбей его.

— Что?

— Осколок.

— Но это часть Первого лица.

— Именно.

— А если разрушится и ты?

— Я уже разрушен.

— Я не хочу снова тебя потерять.

Николас положил ладонь ей на плечо.

Его рука была холодной, но настоящей.

— Ты меня не потеряешь. Ты просто перестанешь видеть.

— Это почти одно и то же.

— Для тех, кто живёт глазами, да.

София закрыла глаза.

Вспомнила его в детской комнате.

Деревянную птицу.

Пустой стул в доме.

Мальчика без рта в подземной школе.

Затем ударила осколком по воде.

Звук был тихим.

Но весь зал раскололся.

Первое лицо закричало.

Зеркала лопнули одно за другим. Из них вылетели тысячи фрагментов воспоминаний: запахи, голоса, лица, прикосновения, забытые слова.

Софию ударило волной чужой памяти.

Она увидела свою мать на берегу чёрного моря.

Отец стоял рядом.

Николас был ещё ребёнком.

А над ними раскрывалась Вуаль.

Адела держала в руках маску.

— Если я войду, — сказала она, — я не вернусь прежней.

— Тогда не входи, — ответил Эдриан.

— Я должна.

— Почему?

— Потому что изнутри её можно закрыть.

— А если нет?

Адела посмотрела на детей.

— Тогда я стану тем, что удержит её от полного открытия.

Она повернулась к Софии.

— Скажи ей, что я сделала это не ради мира.

— Ради чего?

— Ради неё.

Воспоминание оборвалось.

София открыла глаза.

Первое лицо исчезло.

Вместо него на воде лежала золотая маска, расколотая надвое.

Николаса больше не было.

Отец стоял рядом — свободный, но бледный.

— Что произошло? — спросила София.

— Ты уничтожила Первое лицо.

— Нет.

Она посмотрела на маску.

— Я освободила его.

Эдриан нахмурился.

— Это невозможно.

— Вы сами учили меня: память нельзя уничтожить. Её можно только изменить.

— Тогда где оно?

София подняла взгляд.

В дальнем конце зала открылась дверь.

За ней виднелась улица Люкс-Августы.

Но город выглядел иначе.

Над башнями висела золотая Вуаль.

Дворец Советов горел без огня.

Семь магических узлов вспыхивали один за другим.

А над городом раздавался голос.

— Первый замок открыт.

Эдриан схватил Софию за руку.

— Нужно уходить.

— Куда?

— В Гильдию.

— Её ещё нет.

— Уже есть.

София почувствовала в кармане бумагу.

Она достала записку, которую получила на рынке.

Почерк был её.

> Начать с тех, кто умеет слышать ложь.

Под текстом проступили новые слова:

> Найти Элин Вейр.
> Найти Маркуса Рейна.
> Найти Тиля.
> Не доверять дому Морн.

> Не доверять Академии.
> Не доверять себе.

София перечитала последнюю строку.

— Кто написал это?

Эдриан посмотрел на лист.

— Ты.

— Я ещё не знаю этих людей.

— Значит, узнаешь.

Внезапно позади них раздались шаги.

София обернулась.

В дверях стояла Селеста Вейн.

Её белая маска была разбита, а под ней оказалось лицо молодой женщины.

Не старое.

Не знакомое.

Но София узнала его по одному из воспоминаний отца.

Это было лицо Аделы.

Селеста сняла маску и бросила её на воду.

— Я пришла заключить сделку, — сказала она.

Эдриан поднял жезл.

— Уходи.

— Поздно, Эдриан. Вуаль уже касается города.

София встала между ними.

— Какую сделку?

Селеста посмотрела на неё.

— Я помогу тебе закрыть первый узел.

— В обмен на что?

— На право забрать тебя после того, как всё закончится.

— Живой или мёртвой?

— Это будет зависеть от того, кто останется внутри тебя.

— А если я откажусь?

Селеста улыбнулась лицом Аделы.

— Тогда Люкс-Августа станет первым городом, где никто не сможет вспомнить, кем он был.

Над ними раздался новый гул.

Вдали, под Дворцом Советов, вспыхнул второй узел.

София посмотрела на город.

Она могла вернуться в дом.

Могла скрыться.

Могла попытаться найти мать.

Но впервые в жизни выбор принадлежал ей.

Она достала чёрную свечу, которой ещё не существовало.

Пламя вспыхнуло прямо в её ладони.

— Я соглашусь, — сказала София.

Эдриан резко повернулся.

— София!

— Но сделка будет другой.

Селеста прищурилась.

— Какой?

— Вы покажете мне, как закрыть узел. Я покажу вам, что такое настоящий страх.

— И что вы потребуете?

София посмотрела на лицо Аделы.

— Правду.

Селеста молчала.

— Всю, — добавила София. — О матери. О Николасе. О Мороке. О том, кто открыл Вуаль первым.

— Ты не готова к этой правде.

— Это решать мне.

Вода под ногами начала подниматься.

Дверь в город становилась всё шире.

Селеста убрала жезл.

— Хорошо.

— И ещё одно.

— Что?

София протянула ей чёрную свечу.

— Вы пойдёте первой.

Селеста посмотрела на пламя.

В нём отразилось лицо без глаз.

— Ты уже начинаешь становиться похожей на неё.

— На кого?

— На Аделу.

София улыбнулась.

— Нет. На себя.

Она шагнула в дверь.

За ней последовали Селеста и Эдриан.

Когда София вышла в Люкс-Августу, золотая Вуаль опустилась над городом ещё ниже.

В каждом окне люди одновременно повернули головы.

И каждый увидел своё лицо на лице другого.

Второй узел силы вспыхнул под Дворцом Советов.

Где-то в глубине города Элин Вейр услышала ложь в голосе человека, которого считала мёртвым.

Маркус Рейн открыл архивный документ, которого не существовало.

А Тиль проснулся в тёмном подвале среди детей и увидел, как его иллюзия Лира впервые стала настоящей.

Гильдия Вуали начинала рождаться.

Но теперь она должна была появиться не из замысла Софии.

А из войны.

Глава 8. Магия, которой не было имени

После того как София вышла из подземного зала, город перестал быть прежним.

Люкс-Августа всегда казалась ей местом, где магия прячется за порядком. В башнях хранились заклинания, в родовых домах — древние артефакты, на улицах — следы невидимых чар. Но теперь всё скрытое поднялось на поверхность.

Золотая Вуаль висела над городом, как огромное полупрозрачное полотно. Она не закрывала небо полностью: сквозь неё проглядывали звёзды, но каждая звезда казалась глазом, наблюдавшим за происходящим.

Дождь продолжал идти вверх.

Фонари говорили человеческими голосами.

Тени прохожих двигались отдельно от владельцев.

А отражения в окнах запаздывали на несколько секунд.

София шла между отцом и Селестой, стараясь не смотреть по сторонам.

— Что происходит? — спросила она.

Селеста отвечала не сразу.

— Город сопротивляется.

— Чему?

— Смешению.

— Я видела, как люди меняют лица.

— Это не изменение лица. Это изменение связи между лицом и памятью.

София нахмурилась.

— Разве лицо не принадлежит человеку?

— Не всегда. В старой магии лицо считалось сосудом имени. Имя — сосудом памяти. А память — якорем личности. Если вырвать один элемент, остальные начинают распадаться.

— Поэтому люди видят себя в других?

— Поэтому они перестают понимать, кто именно смотрит.

Селеста остановилась у перекрёстка.

Перед ними стояла женщина в роскошном зелёном платье. Она держала за руку маленькую девочку.

Женщина плакала.

Девочка улыбалась.

На лицах обеих были одинаковые черты.

— Мама, — сказала девочка. — Почему ты плачешь?

— Потому что ты стала мной.

— Нет. Это ты стала мной.

Их голоса звучали одинаково.

Селеста подняла жезл и начертила в воздухе серебряный круг. Круг раскрылся, как глаз, и выпустил тонкую нить света.

Нить коснулась лбов женщины и девочки.

Сначала ничего не произошло.

Затем женщина вскрикнула.

Её лицо вернулось к прежнему виду.

Девочка тоже изменилась.

Они упали друг другу в объятия.

— Что вы сделали? — спросила София.

— Разделила память.

— Как?

— У каждого человека есть внутреннее имя. Не то, которым его называют другие, а то, которое он слышит, когда остаётся один. Я нашла их имена и развела в разные стороны.

— А если бы вы ошиблись?

Селеста посмотрела на девочку.

— Тогда одна из них стала бы пустой.

София почувствовала неприятный холод.

— Пустой?

— Без воспоминаний. Без собственной истории. Живое тело, в котором никто не живёт.

София вспомнила людей в белых масках.

И мальчика без рта.

— Так случилось с Николасом?

Селеста опустила жезл.

— С ним случилось нечто хуже.

Эдриан отвернулся.

— Не сейчас.

— Когда же? — спросила София. — Когда город окончательно забудет своё имя?

Отец ничего не ответил.

София впервые заметила: он стал старше за последние часы. Не внешне — в нём появилась усталость человека, который слишком долго держал дверь закрытой и вдруг понял, что за ней стоит не один враг.

Жизнь Софии

До Академии София думала, что магия — это то, что происходит с другими.

У придворных магов были жезлы.

У аристократов — родовые печати.

У слуг — маленькие бытовые чары, позволяющие зажечь огонь, очистить платье или вызвать воду из пустого кувшина.

А у Софии не было ничего.

Она не умела создавать пламя.

Не могла поднять предмет силой мысли.

Не знала ни одного настоящего заклинания.

Но иногда её лицо менялось само.

В детстве это случалось чаще всего во время сна.

София просыпалась и обнаруживала, что стоит перед зеркалом. Её волосы были другого цвета. Руки казались тоньше. Иногда на лице появлялись черты матери.

Однажды служанка вошла в комнату и увидела перед собой леди Аделу.

Служанка закричала и потеряла сознание.

После этого отец приказал снять из дома все зеркала.

Их вынесли ночью.

Но зеркало не обязательно должно было быть сделано из стекла.

София отражалась в воде, в полированном серебре, в глазах других людей, в поверхности чая и даже в каплях дождя.

Она отражалась в чужих воспоминаниях.

Когда Софии было семь лет, она впервые изменила лицо намеренно.

Это произошло после смерти матери.

В доме царила тишина. Слуги ходили на цыпочках, отец

заперся в кабинете, а в комнатах пахло лавандой и воском.

София сидела у кровати, на которой лежало пустое чёрное платье матери.

Она пыталась вспомнить её лицо.

Но чем сильнее старалась, тем быстрее оно исчезало.

Тогда София закрыла глаза и подумала:

Покажи мне, как она выглядела.

Кожа на лице стала холодной.

Пальцы задрожали.

Когда София открыла глаза, в зеркале была мать.

Не отражение.

Она сама.

Та же линия подбородка. Те же глаза. Та же маленькая родинка у губ.

София коснулась щеки.

Из зеркала на неё смотрела Адела.

— Мама?

Отражение ответило:

— Не называй меня.

— Почему?

— Потому что тогда я услышу тебя.

София испугалась и отступила.

Лицо вернулось к прежнему виду.

Но с той ночи она знала: в каждом лице остаётся след.

И если смотреть достаточно долго, можно услышать того, кто носил его раньше.

Законы лица

В Академии Софию учили, что метаморфоза имеет семь законов.

Первый закон: лицо нельзя изменить без причины.

Любая перемена требовала намерения. Даже если маг не осознавал его, внутри всё равно существовала причина: страх, желание спрятаться, стремление стать сильнее или попытка вернуть кого-то из прошлого.

Второй закон: нельзя принимать лицо человека, которого ты не помнишь.

Если памяти о человеке не существовало, лицо становилось пустой маской.

Третий закон: лицо живого тяжелее лица мёртвого.

Мёртвые оставляли после себя образ, но живые оставляли волю. Приняв лицо живого, маг рисковал перенять его желания.

Четвёртый закон: нельзя менять лицо в присутствии ребёнка.

Дети видели не маску, а то, что находилось за ней.

Пятый закон: лицо не скрывает имя.

Даже если изменить голос, походку и тело, истинное имя продолжает звучать в магическом поле человека.

Шестой закон: лицо нельзя носить дольше семи дней.

На восьмой день оно начинало запоминать нового владельца.

Седьмой закон: никогда не принимай лицо того, кого любишь.

Потому что любовь открывает дверь лучше любого заклинания.

София нарушила шестой закон на третьем месяце обучения.

Седьмой — ещё до того, как узнала о нём.

В те дни она часто принимала лицо матери.

Не потому, что хотела обмануть других.

Она хотела обмануть пустоту.

Когда София становилась Аделой, служанки начинали плакать. Старый дворецкий уходил из комнаты. Отец не мог смотреть на неё дольше нескольких секунд.

Однажды он вошёл в библиотеку и увидел Софию у окна.

Она была похожа на Аделу настолько, что он остановился.

— Не делай этого, — сказал он.

— Почему?

— Потому что ты не она.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

София повернулась.

— Чтобы вы посмотрели на меня.

Отец закрыл глаза.

— Я смотрю на тебя каждый день.

— Нет. Вы смотрите на то, что от неё осталось.

Его лицо стало жёстким.

— Сними это лицо.

— Вы боитесь?

— Я запрещаю.

— Мама говорила, что запреты нужны тем, у кого нет силы.

Отец ударил ладонью по столу.

Книги вздрогнули.

— Твоя мать ничего не понимала в силе.

— Она вошла в Вуаль.

— И потеряла себя.

— А вы потеряли её раньше.

После этих слов в библиотеке стало холодно.

София попыталась вернуть своё лицо, но не смогла.

Адела смотрела на Эдриана глазами его жены.

— Сними его, — прошептал он.

— Я не могу.

— София.

— Я не могу.

Отец поднял жезл.

На кончике вспыхнуло заклинание.

София увидела его намерение раньше, чем услышала слова.

Он хотел стереть это воспоминание.

Стереть её лицо.

Стереть саму причину боли.

Тогда София впервые применила магию против него.

Она изменила не своё лицо.

Она изменила его отражение.

В зеркале над камином отец увидел себя ребёнком.

Маленький Эдриан стоял рядом с Аделой. Они смеялись. На руках у Аделы был новорождённый Николас.

Мальчик тянулся к отцу.

— Папа, — сказал он.

Жезл в руке Эдриана погас.

И в тот вечер София узнала: воспоминание может быть не только окном в прошлое.

Иногда оно становится оружием.

Магические узлы

Селеста привела их к первому узлу ещё до рассвета.

Он находился под Дворцом Советов, в месте, которого не существовало на картах. Вход открывался только тогда, когда городские часы показывали время, которого не было.

В ту ночь все часы Люкс-Августы остановились на **тринадцати минутах после полуночи**.

Эдриан произнёс заклинание над мостовой.

Камни раздвинулись.

Вниз уходила лестница, сложенная из чёрного мрамора. На каждой ступени были вырезаны имена прежних правителей города.

Некоторые имена были зачёркнуты.

Другие стерты так тщательно, что от них оставались только пустые углубления.

— Почему имена уничтожены? — спросила София.

— Потому что некоторые правители стали узлами, — ответила Селеста. — Они отдали городу свои воспоминания, чтобы тот продолжал существовать.

— Город живой?

— Любой старый город живой.

— Но не каждый умеет говорить.

— Люкс-Августа говорит постоянно. Просто люди принимают его голос за собственные мысли.

Внизу воздух был плотным и влажным.

Стены дышали.

София слышала ритм — медленный, глубокий, похожий на биение огромного сердца.

В центре подземного зала находилась чёрная колонна.

Вокруг неё вращались семь золотых колец. На каждом

кольце были написаны тысячи имён.

Некоторые имена светились.

Некоторые гасли.

Некоторые менялись местами.

— Это и есть узел? — спросила София.

— Нет, — сказала Селеста. — Это только его тело.

— А где сердце?

Селеста указала вниз.

Пол был прозрачным.

Под ним простирался огромный подземный город.

Пустые улицы.

Башни.

Мосты.

Окна, в которых горел свет.

По улицам ходили люди, но у каждого было лицо Софии.

Она отшатнулась.

— Это что?

— Город воспоминаний.

— Он настоящий?

— Он станет настоящим, если Вуаль опустится полностью.

Эдриан схватил её за плечо.

— Не смотри вниз.

Но было поздно.

Один из жителей подземного города поднял голову.

София увидела его лицо.

Это была она сама.

Только взрослая.

Старше на десятки лет.

Женщина внизу приложила палец к губам.

Затем указала на чёрную колонну.

София услышала голос:

— Не разрушай узел.

Селеста поставила между ними защитный знак.

— Не слушай.

— Она сказала, что узел нельзя разрушать.

— Узлы нельзя разрушать. Их можно только перенастроить.

— Что произойдёт, если разрушить?

— Город потеряет память о себе.

— А если перенастроить?

— Он выберет, кого забыть.

София посмотрела на колонну.

— Кто сейчас управляет узлом?

Селеста молчала.

— Ответьте.

— Морок.

— Как он получил доступ?

— Через тебя.

Эдриан резко повернулся к Селесте.

— Ты обещала не говорить.

— Я обещала не говорить до того, как мы войдём. Мы уже вошли.

София ощутила, как внутри неё что-то сжалось.

— Через меня?

— Ты не виновата, — сказал Эдриан.

— Не говорите этого.

— София…

— Если он использует меня, значит, во мне есть дверь.

Она посмотрела на чёрную колонну.

На её поверхности проступили золотые трещины.

— Как закрыть её?

— Нужно назвать своё истинное имя, — ответила Селеста.

— Я знаю своё имя.

— Ты знаешь имя, которое дала тебе семья.

— Какое же настоящее?

— То, которое было у тебя до рождения.

София почувствовала, что всё вокруг замедляется.

Подземный город перестал двигаться.

Селеста продолжила:

— У каждого человека есть имя, данное телу. Но у тех, кто пришёл через Вуаль, существует второе имя. Имя пути.

— Я не знаю его.

— Знаешь.

— Нет.

— Ты слышала его в первый день жизни.

— Где?

Селеста посмотрела на Эдриана.

Отец отвернулся.

София поняла.

— Он знает.

— Эдриан.

— Не заставляй меня.

— Назовите моё имя.

— София…

— Не это.

Подземелье наполнилось шёпотом.

Из колонны прозвучал голос Морока:

— Спроси его, кем ты была до того, как стала дочерью.

София повернулась к отцу.

— Я слушаю.

Эдриан стоял неподвижно.

— Твоя мать назвала тебя…

Он замолчал.

Золотые кольца вокруг колонны ускорились.

— Назвала меня как?

— **Мирра**.

Имя прозвучало, словно упавший камень.

В ту же секунду все огни подземного города погасли.

София почувствовала удар в груди.

В глубине памяти что-то открылось.

Она увидела тёмную воду.

Белую Вуаль.

Аделу, стоящую по ту сторону.

И ребёнка, которого держала за руку.

— Мирра, — сказала Адела. — Если ты вернёшься, не

позволяй им назвать тебя Софией.

— Почему?

— Потому что София — это имя для мира.

— А Мирра?

— Мирра — имя для дома.

София открыла глаза.

Чёрная колонна дрожала.

Морок говорил из неё:

— Мирра.

— Не называй меня так.

— Это твоё первое имя.

— Я София.

— София — лицо, которое ты выбрала.

— Да.

— Ты не понимаешь. Выбранное лицо нельзя удерживать вечно.

София подошла к колонне.

— Я и не собираюсь.

Она положила ладонь на чёрный камень.

Магия прошла через неё.

Не огонь.

Не лёд.

Память.

София почувствовала жизни людей, чьи имена были записаны на кольцах. Королей, служанок, детей, преступников, пророков, предателей. Каждый оставил в городе частицу себя.

Город был не камнем.

Город был множеством людей, которые когда-то любили, боялись, лгали и умирали.

А магия узла держала их вместе.

Морок хотел смешать их.

София поняла почему.

Отдельную личность легко сломать.

Толпу — невозможно, если толпа помнит себя.

Она закрыла глаза.

— Я не буду разрушать узел.

Селеста облегчённо выдохнула.

— Тогда что ты сделаешь?

София почувствовала второе имя внутри себя.

Мирра.

Оно было древним и тёмным.

Но имя София было тем, что она создала сама.

Она соединяла их.

Не стирала одно ради другого.

Не позволяла одному поглотить другое.

— Я разделю память, — сказала она.

— Ты не умеешь этого, — ответила Селеста.

— Уже умею.

София раскрыла ладонь.

На ней вспыхнули две линии: золотая и чёрная.

Золотая образовала имя **София**.

Чёрная — имя **Мирра**.

Затем между ними возникла третья линия.

Её имя.

Не данное.

Не найденное.

Созданное.

Та, кто выбирает.

София прижала ладонь к колонне.

Подземелье взорвалось светом.

Каждое золотое кольцо остановилось.

Имена на них разделились на отдельные нити.

Люди в подземном городе перестали носить её лицо.

Один за другим они возвращались к своим настоящим обликам.

Морок закричал.

Его голос раскатился под землёй:

— Ты не можешь разделить то, что родилось единым!

— Могу.

— Ты часть меня!

— Нет.

София открыла глаза.

В них отражались золотые и чёрные огни.

— Я часть себя.

Колонна треснула.

Но не разрушилась.

На её поверхности появился новый знак: лицо, перечёркнутое двумя линиями.

Морок исчез из узла.

Однако прежде чем уйти, он прошептал:

— Тогда я найду твою жизнь.

София почувствовала, как холод проходит по спине.

— Что это значит?

Селеста смотрела на неё с тревогой.

— Он больше не будет атаковать твою память.

— А что будет?

— Он начнёт менять события вокруг тебя.

Эдриан тяжело опустился на ступень.

— Он будет искать тех, кого ты полюбишь.

София посмотрела на него.

— У меня никого нет.

— Пока нет.

В дальнем конце зала открылась дверь.

За ней был рассветный город.

Но на пороге стояла девочка.

Лет пяти.

Та самая, которую София видела в подземных зеркалах.

У неё было лицо Софии.

— Ты разделила память, — сказала девочка.

— Кто ты?

— Та, кто осталась за дверью.

— Как тебя зовут?

Девочка улыбнулась.

— Ты дала мне имя.

— Какое?

— **Софи**.

София почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Я не давала тебе имени.

— Дала. В ночь, когда родилась.

— Я не помню.

— Поэтому я помню за тебя.

Девочка сделала шаг.

— Я — твоя жизнь, которую ты оставила в Вуали.

София посмотрела на неё и впервые не почувствовала страха.

Только усталость.

— Если ты моя, почему ты здесь?

Софи подняла руку.

В её ладони лежал маленький золотой ключ.

— Потому что теперь я хочу домой.

Над городом начала опускаться Вуаль.

А за ней, далеко за границей мира, кто-то открыл глаза.

Не Морок.

Кто-то древнее.

Кто-то, для кого София была не дочерью, не ключом и не замком.

А обещанием.

Глава 9. Девочка по имени Софи

Софи стояла на пороге подземного зала и смотрела на Софию так, словно ждала не ответа, а разрешения существовать.

За её спиной клубилась Вуаль.

Она больше не была золотой. Теперь в ней смешивались серебряные, чёрные и багровые оттенки. Внутри двигались бесчисленные силуэты, но ни один не имел лица.

— Ты не можешь выйти, — сказала София.

— Я уже вышла.

— Это не настоящий мир.

— А что делает мир настоящим?

Софи переступила порог.

В тот же миг подземный зал содрогнулся. Чёрная вода под ногами поднялась стеной и обрушилась назад. Зеркала на стенах потемнели.

Софи не отступила.

Она была маленькой — худой, босой, в простом белом платье. Волосы спадали ей на плечи, а на лице не было ни одной черты, кроме глаз.

Глаз Софии.

— Если ты моя жизнь, — сказала София, — почему я тебя не помню?

— Потому что ты оставила меня здесь.

— Когда?

— До рождения.

— Так не бывает.

— С тобой много чего не бывает.

Софи подошла ближе.

— Ты была со мной всё это время.

— Да.

— В моих снах?

— В отражениях.

— В голосах?

— В тех местах, где ты почти вспомнила.

София посмотрела на золотой ключ в руке девочки.

— Что он открывает?

— Комнату, в которой ты впервые испугалась.

— Я не знаю такой комнаты.

— Знаешь.

Софи коснулась её ладони.

Внутри Софии вспыхнуло воспоминание.

Воспоминание восьмое: комната под снегом

София была младенцем.

Она лежала в колыбели, окружённой свечами. За окном не было дома Морн, не было города, не было неба. Только белый снег, летевший вверх.

Адела стояла рядом.

Её лицо было покрыто трещинами света.

— Она уже слышит, — сказала Адела.

Эдриан держал на руках Николаса.

Мальчик был совсем маленьким. Он спал, прижавшись щекой к груди отца.

— Она должна остаться, — ответил Эдриан.

— В этом мире?

— В любом мире лучше, чем в Вуали.

Адела наклонилась к колыбели.

Младенец открыл глаза.

— София, — прошептал Эдриан.

Адела покачала головой.

— Не София.

Она коснулась пальцем лба ребёнка.

— Мирра.

В комнате появился ещё один звук.

Тихий детский плач.

Но София была единственным младенцем в колыбели.

Плач раздавался из-за двери.

Эдриан поднял жезл.

— Она не должна быть здесь.

— Она всегда была здесь, — сказала Адела.

— Ты обещала, что оставишь её по ту сторону.

— Я обещала, что она не войдёт в ребёнка.

— Тогда что это?

Адела посмотрела на дверь.

За ней кто-то провёл ладонью по дереву.

— Часть её, — сказала она.

— Нельзя разделить человека.

— Можно. Если человек ещё не родился.

Дверь открылась.

На пороге стояла маленькая девочка без лица.

Адела протянула к ней руку.

— Софи.

Девочка повернула голову.

— Почему ты дала мне это имя? — спросила она.

— Потому что оно означает жизнь.

— А её имя?

Адела посмотрела на ребёнка в колыбели.

— Ей достанется имя мира.

— А мне?

— Тебе достанется то, что она не сможет вынести.

Девочка без лица вошла в комнату.

Адела поцеловала младенца в лоб.

— Ты будешь жить за двоих.

Снег за окном пошёл быстрее.

Дверь захлопнулась.

Младенец заплакал.

И вместе с её плачем исчез голос девочки.

София открыла глаза.

Софи стояла перед ней.

— Ты была моей болью, — прошептала София.

— И твоим страхом.

— Что ещё ты забрала?

— Одиночество.

София почувствовала, как внутри что-то ломается.

Все годы в доме Морн она думала, что одиночество принадлежит ей. Что мать исчезла, отец отдалился, а Николас стал лишь призраком, потому что она была недостаточно сильной, недостаточно нужной, недостаточно настоящей.

Но часть боли была не её.

Она жила в Софи.

— Почему ты вернулась теперь?

— Потому что ты научилась делить память.

— И что будет, если ты останешься?

— Мы станем целыми.

— А если я не хочу?

Софи посмотрела на неё без обиды.

— Тогда я снова уйду.

Эдриан поднялся.

— София, не соединяйся с ней.

— Почему?

— Мы не знаем, что произойдёт.

— Вы разделили нас.

— Я пытался спасти тебя.

— Вы всегда пытаетесь спасти меня, когда хотите что-то скрыть.

Отец замолчал.

Селеста наблюдала за Софи с выражением, которого София раньше не видела на её лице.

Страх.

Не перед Софи.

Перед тем, что Софи могла рассказать.

— Вы тоже знали о ней, — сказала София.

— Да.

— Все знали.

— Не все.

— Ректор знала?

— Эвелина принимала участие в ритуале.

— А Морок?

Селеста посмотрела на Вуаль.

— Морок появился позже.

— Из чего?

— Из того, что осталось после разделения.

Софи взяла Софию за руку.

Её пальцы были ледяными.

— Он не был создан нами, — сказала девочка. — Он родился из страха тех, кто не хотел, чтобы ты вернулась.

— Кто они?

Софи подняла голову.

Сквозь Вуаль что-то двигалось.

Теперь София видела это отчётливо: высокую фигуру, сотканную из белых нитей. У неё не было головы. Вместо неё над плечами плавали сотни лиц.

— Те, кто называл себя хранителями, — сказала Софи. — Они думали, что мир погибнет, если ты вспомнишь своё первое имя.

— Мирра?

— Нет.

Софи сжала руку Софии.

— Твоё первое имя было не Мирра.

София почувствовала, как воздух исчезает из лёгких.

— Тогда как меня звали?

Девочка наклонилась к ней и прошептала:

— **Астар.**

Весь зал погрузился во тьму.

Имя Астар

Слово прошло через Софию не как звук, а как ключ.

Она увидела море.

Не чёрное и не золотое — бесцветное море, в котором плавали звёзды.

Увидела огромный город, стоящий на поверхности воды.

Его башни были прозрачными, а улицы состояли из воспоминаний.

Там не рождались дети.

Там создавали имена.

Каждое имя было маленьким огнём. Его помещали в стеклянную чашу, а затем отправляли в мир, где имя находило тело.

София стояла в центре города.

Но она была не ребёнком.

И не человеком.

Она была светом, собранным в человеческую форму.

Перед ней стояли трое.

Первый был покрыт серебряными письменами.

Второй состоял из множества теней.

Третья имела лицо Аделы.

— Ты хочешь войти в мир? — спросила она.

— Я хочу узнать, что такое жизнь.

— Жизнь — это боль, — сказал тот, кто был покрыт письменами.

— И любовь, — добавила Адела.

— Любовь тоже боль.

— Но не всякая боль бессмысленна.

София посмотрела на море.

— Я хочу лицо.

— Лицо меняет того, кто его носит.

— Тогда я хочу много лиц.

— Это опасно.

— Почему?

— Потому что однажды ты перестанешь понимать, какое из них твоё.

— Тогда я выберу.

Третья фигура приблизилась.

— Ты не можешь выбрать до рождения.

— Почему?

— Потому что рождение — это забвение.

— Я не хочу забывать.

— Значит, ты не сможешь жить.

Тогда свет Софии разделился.

Одна половина осталась в городе.

Другая отправилась вниз, в мир людей.

Но прежде чем исчезнуть, София услышала голос третьей фигуры:

— Если ты вернёшься, мы назовём тебя Астар.

— Что означает это имя?

— Та, кто помнит до начала.

София проснулась на коленях.

Селеста стояла рядом, а Эдриан держал её за плечи.

— Что со мной? — спросила София.

— Ты потеряла сознание, — ответил отец.

— Сколько?

— Несколько секунд.

— Я видела город.

Эдриан побледнел.

— Какой город?

— Город имён.

Он отступил.

Селеста медленно произнесла:

— Значит, это правда.

— Что?

— Ты не была создана Вуалью. Ты пришла из-за неё.

— Все люди приходят из-за Вуали?

— Нет.

— Тогда кто я?

Никто не ответил.

Софи стояла у края воды.

— Ты была первой искрой, — сказала она. — Остальные души появились после тебя.

София посмотрела на девочку.

— Я не хочу быть первой.

— Первые никогда не выбирают.

— Тогда я хочу быть последней.

Софи улыбнулась.

— Это уже выбор.

Жизнь после разделения

Когда они поднялись из подземелья, Люкс-Августа уже просыпалась.

Город выглядел больным.

На улицах люди стояли группами и рассказывали друг другу чужие воспоминания. Кто-то утверждал, что прожил всю жизнь в теле своего соседа. Кто-то плакал, вспоминая детей, которых никогда не имел.

Один старик подошёл к Софии и поклонился.

— Государыня, — сказал он.

— Я не государыня.

— Вы забыли.

— Нет. Это вы ошиблись.

— Я никогда не ошибаюсь.

— Тогда почему ваши руки дрожат?

Старик посмотрел на свои ладони.

На них появились золотые линии.

— Потому что вы вернулись.

Он убежал.

София шла дальше.

Она впервые ощущала город иначе.

Раньше Люкс-Августа казалась холодной. Теперь она слышала его тайный шум: тихий шелест камней, движение магии в мостах, дыхание старых домов.

Каждое здание обладало памятью.

Дворец Советов помнил все обещания, данные в его залах.

Театр помнил каждую ложь, произнесённую на сцене.

Храмы помнили имена людей, которые молились, даже когда богов рядом не было.

А дом Морн помнил детей.

Николаса.

Софию.

Софи.

И ещё одного ребёнка, о котором никто не говорил.

— Отец, — сказала София. — У меня был брат до Николаса?

Эдриан остановился.

Селеста тоже замерла.

— Почему ты так решила?

— Дом помнит детей.

— Дом помнит многое.

— Я видела три маленькие тени в коридоре.

Отец побледнел.

— Это невозможно.

— Я видела их.

— София…

— Вы обещали правду.

Эдриан долго молчал.

Потом сказал:

— До Николаса у Аделы был ребёнок.

— Что с ним случилось?

— Он не родился.

— Это не значит, что его не было.

Эдриан посмотрел на Софи.

— Его звали Северан.

Софи вздрогнула.

Воздух вокруг неё стал холоднее.

— Он не был человеком, — сказала она.

— Кто он?

— Твой первый отражённый брат.

София почувствовала, как Софи сжимает её руку.

— Он тоже был разделён?

— Нет, — ответила девочка. — Его отдали.

— Кому?

Софи подняла глаза к золотой Вуали.

— Городу за ней.

Эдриан отвернулся.

— Я не мог спасти всех.

— Что значит «отдали»?

— Адела заключила договор.

— С кем?

Вдали раздался звук колокола.

Не церковного.

Глубокого и медленного.

На каждом ударе лица прохожих менялись.

На первом все стали похожи на Аделу.

На втором — на Эдриана.

На третьем — на Софию.

Четвёртый удар не прозвучал.

Вместо него над городом появился голос:

— **Северан проснулся.**

Софи отпустила руку Софии.

Её лицо впервые исказилось от страха.

— Он идёт.

— Кто такой Северан? — спросила Селеста.

Софи ответила:

— Тот, кто был создан, чтобы заменить Софию.

На крыше напротив появился мальчик.

Он был чуть старше Софии, с белыми волосами и тёмными глазами.

У него было лицо Николаса.

Но улыбался он лицом Софи.

— Сестра, — сказал он.

София не могла пошевелиться.

Мальчик приложил ладонь к груди.

— Я так долго ждал, когда ты вернёшься.

— Ты не мой брат.

— Нет.

Он улыбнулся шире.

— Я твоя замена.

На улице погасли все фонари.

Селеста выхватила жезл.

Эдриан поднял защитный знак.

Но Северан не напал.

Он только посмотрел на Софию.

— Ты украла мою жизнь.

— Я даже не знала, что она была.

— Именно поэтому.

— Чего ты хочешь?

Мальчик наклонил голову.

— Вернуть себе всё, что должно было принадлежать мне.

— Что именно?

— Твоё имя.

Софи встала перед Софией.

— Не слушай его.

Северан засмеялся.

— Маленькая тень. Ты всё ещё думаешь, что она выберет

тебя?

Софи побледнела.

— Она уже выбрала.

— Нет, — сказал Северан. — Она выбрала жизнь. А жизнь всегда выбирает того, кто умеет выживать.

Он поднял руку.

На ладони появился золотой знак.

Тот же, что был на чёрной колонне.

София почувствовала, как внутри неё открывается старая дверь.

Голос Северана прозвучал не с крыши, а прямо в её сознании:

Астар.

София согнулась от боли.

Софи закричала.

Селеста произнесла защитное заклинание, но оно рассыпалось в воздухе.

Эдриан бросился к дочери.

— Не отвечай ему!

— Я не отвечаю!

— Он зовёт твоё первое имя!

— Я не могу не слышать!

На крыше Северан сделал шаг вперёд.

— Астар.

Город откликнулся.

Под мостовой вспыхнули древние письмена.

Золотая Вуаль начала опускаться.

Софи обняла Софию за талию.

— Не уходи.

— Я здесь.

— Он заберёт тебя.

— Не заберёт.

— Ты не знаешь.

София посмотрела на Северана.

В его лице были черты всех тех, кого она любила и боялась.

Николаса.

Матери.

Отца.

Её самой.

Но за всеми этими лицами не было собственной воли.

Только голод.

София выпрямилась.

— Северан.

Мальчик улыбнулся.

— Наконец-то ты ответила.

— Я назвала тебя по имени.

— Моё имя принадлежит тебе.

— Нет.

София подняла руку.

На её коже загорелись две линии — золотая и чёрная.

Затем появилась третья.

— Ни одно имя не принадлежит другому человеку.

Северан впервые перестал улыбаться.

— Ты не имеешь права.

— Я имею право на свою жизнь.

— Она была моей.

— Тогда забери её.

София сняла медальон матери.

Внутри лежали чёрный осколок и золотой ключ.

Она соединяла их ладонями.

Магия вспыхнула.

Вокруг Северана возникли тысячи зеркал.

В каждом он видел не Софию, а себя.

Настоящего.

Без лиц.

Без чужих воспоминаний.

Без украденной истории.

Северан закричал.

— Нет!

— Посмотри, кто ты.

— Я — Астар!

— Нет.

София шагнула вперёд.

— Астар — это моё первое имя.

Северан задрожал.

— Тогда кто я?

София посмотрела на него с жалостью.

— Не знаю.

Мальчик застыл.

И впервые в его лице появилось что-то своё.

Не голод.

Не злость.

Страх.

Золотая Вуаль разорвалась над городом.

Северан исчез в потоке света.

Но перед тем как исчезнуть, он прошептал:

— Теперь ты тоже не знаешь, кто ты.

София почувствовала, как внутри неё закрывается дверь.

Софи растворилась в её тени.

Город вновь обрёл собственные лица.

Но где-то за пределами мира, в городе имён, одна чаша погасла.

И древняя фигура с лицом Аделы произнесла:

— Астар проснулась.

В ответ из темноты донёсся голос:

— Тогда начинается её настоящая жизнь.

София стояла посреди улицы, окружённая отцом и Селестой.

Вокруг неё снова был Люкс-Августа.

Но теперь она слышала каждого.

Каждый страх.

Каждое желание.

Каждое имя.

И среди миллионов голосов различила один — тихий, почти забытый.

Голос матери.

— София, найди Северана.

София закрыла глаза.

— Он исчез.

— Нет.

— Где он?

— В твоей жизни.

И тогда тень Софии улыбнулась чужим лицом.

Глава 10. Тень, которая жила рядом

После исчезновения Северана город ещё долго не мог вспомнить собственное лицо.

Люкс-Августа просыпалась медленно.

Сначала вернулись тени. Они снова легли под ноги своим владельцам, хотя некоторые сопротивлялись и пытались уползти в переулки.

Потом восстановились отражения.

Стекло в окнах очистилось от чужих лиц. В лужах снова

появились настоящие прохожие. Фонари перестали шептать и загорелись обычным жёлтым пламенем.

Но магия не исчезла.

Она осталась в воздухе тонкой пылью, оседающей на волосах и ресницах. Если провести пальцами по каменной стене, можно было почувствовать, как под ней бьётся городское сердце.

София стояла на площади, не двигаясь.

Её тень лежала рядом.

Не под ногами.

Рядом.

Она была длиннее, чем должна была быть, и имела вторую голову.

Софи.

— Ты слышала её? — спросил Эдриан.

— Маму?

— Да.

— Она сказала, чтобы я нашла Северана.

Отец побледнел.

— Не ищи его.

— Почему?

— Потому что Северан не должен существовать.

— Он уже существует.

— Именно поэтому его нужно уничтожить.

Тень Софии дрогнула.

Софи внутри неё прошептала:

— Он не хочет умирать.

София закрыла глаза.

— Ты его слышишь?

— Я слышу всех, кто связан с тобой.

— Даже Морока?

— Особенно его.

Селеста стояла неподалёку, глядя на золотую Вуаль, которая теперь истончилась до едва заметной дымки.

— Северан не исчез, — сказала она.

Эдриан резко повернулся.

— Ты не знаешь этого.

— Знаю.

— Ты видела, как он растворился.

— Он не растворился. Он перенёсся.

София посмотрела на неё.

— Куда?

Селеста подняла жезл.

Кончик его зажёгся серебряным светом.

На мостовой появился круг. Внутри круга проступили следы магии: тонкие линии, похожие на царапины, тянулись от места, где стоял Северан, к западным кварталам города.

— Он ушёл не в Вуаль, — сказала Селеста. — Он пошёл по твоей связи с ним.

— Что это значит?

— Вы были созданы из одного источника. Он не может отделиться от тебя окончательно.

— Значит, он где-то рядом.

— Возможно, он уже внутри твоей жизни.

София почувствовала холод у затылка.

Вокруг неё возникли воспоминания.

Не образы — ощущения.

Чужой смех в коридоре.

Запах дождя.

Тёплая ладонь на плече.

Чей-то голос, произносящий её имя.

Она знала эти моменты.

Но не помнила, чтобы когда-либо проживала их.

— Он был рядом, — сказала София.

Эдриан взял её за руку.

— Северан мог менять твою память.

— Нет.

— Ты не знаешь, что он способен сделать.

— Я знаю, что чувствует ложь.

София посмотрела на него.

— И сейчас вы лжёте.

Отец не ответил.

— Вы знали, что Северан был рядом со мной раньше.

— Он приходил во снах.

— Когда?

— В детстве.

— Почему вы не сказали?

— Потому что ты бы стала его искать.

— А теперь я всё равно буду.

— София…

— Он мой брат.

— Он не человек.

— Николас тоже не был обычным человеком после смерти.

— Николас умер, защищая тебя.

— А Северан родился вместо меня.

— Он пытался занять твоё место.

— Может быть, потому что всю жизнь был уверен, что я заняла его место.

Отец отвернулся.

София впервые заметила на его шее тонкую линию, похожую на след от верёвки.

— Кто его создал? — спросила она.

Эдриан молчал.

Селеста ответила:

— Адела.

София застыла.

— Моя мать?

— Не одна.

— Но она участвовала.

— Она создала тело. Орден дал ему память. А Вуаль — имя.

— Зачем ей это было нужно?

Селеста посмотрела на Эдриана.

— Потому что она знала: если ты умрёшь во время рождения, кто-то должен будет занять твоё место.

София почувствовала, как пространство вокруг неё стало тесным.

— Я могла умереть?

— Ты умерла, — сказал Эдриан.

Слова были простыми.

Оттого страшнее.

— Что?

— На три минуты.

В городе снова начали бить часы.

Один удар.

Второй.

Третий.

София видела, как прохожие проходят мимо, не замечая их разговора.

— Я родилась мёртвой?

— Ты не дышала.

— А Северан?

— Его создали, когда поняли, что ты не выживешь.

— Но я выжила.

— Ты вернулась.

— Из Вуали?

— Из места, где души ещё не знают, кем станут.

София посмотрела на собственные руки.

Они казались обычными.

Но под кожей двигался золотой свет.

— Что произошло в эти три минуты?

Отец ответил не сразу.

— Ты позвала кого-то.

— Кого?

— Мать.

— Она пришла?

— Да.

— И вернула меня?

— Нет.

Эдриан поднял взгляд.

— Она вернулась вместе с тобой.

София ощутила, как её тень становится гуще.

Софи прошептала:

— Поэтому нас две.

Дом памяти

Они вернулись в дом Морн до рассвета.

Дом встретил их открытыми дверями.

На стенах больше не появлялись лица Аделы. Чёрные розы во дворе закрыли бутоны, словно заснули.

Но внутри всё изменилось.

Коридоры стали длиннее.

Потолки выше.

Комнаты переместились.

София прошла мимо библиотеки и увидела на её месте детскую.

На полу лежали игрушки Николаса.

В углу стояла колыбель.

В ней спал младенец.

София остановилась.

— Это воспоминание? — спросила она.

— Да, — ответил Эдриан.

— Чьё?

— Дома.

Она подошла к колыбели.

Младенец открыл глаза.

Вместо зрачков в них горели маленькие двери.

— Не трогай его, — сказал отец.

— Почему?

— Дом может показать тебе то, что хочет вернуть.

Младенец улыбнулся.

Из его рта выпал маленький золотой зуб.

На зубе было вырезано имя:

СЕВЕРАН.

София отступила.

Колыбель исчезла.

На её месте снова стоял шкаф с книгами.

— Он родился здесь? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему дом помнит его?

Эдриан провёл ладонью по стене.

— Потому что Адела принесла его сюда.

— Когда?

— В ночь твоего рождения.

— Она держала нас обеих?

— Тебя — в одной комнате. Его — в другой.

— И выбрала меня.

— Она не выбирала.

— Но я осталась.

— Потому что ты вернулась.

София поднялась по лестнице.

Дом шептал вокруг неё.

Не туда.

Он ждёт.

Не открывай.

Ты уже открыла.

Она вошла в бывшую комнату матери.

Здесь всё осталось так, как было при жизни Аделы.

На столе стояли флаконы с засохшими чернилами. На полках хранились книги по древней магии. У окна висел длинный плащ, покрытый серебряной вышивкой.

София провела по ткани рукой.

Плащ вздрогнул.

На его поверхности открылись глаза.

— Мама? — спросила она.

Плащ не ответил.

Но из шкафа донёсся звук.

Три тихих удара.

София распахнула дверцу.

За ней находилась не одежда, а узкий проход, уходящий в стену.

В конце прохода горела свеча.

София вошла.

За спиной дверь закрылась.

Комната за шкафом была маленькой и круглой.

Стены покрывали рисунки.

На первом была изображена Адела.

На втором — Эдриан.

На третьем — Николас.

На четвёртом — младенец.

На пятом — Северан.

Шестой рисунок оставался пустым.

София подошла к нему.

В центре белой стены медленно проступили слова:

ТЕ, КОГО СОЗДАЮТ ВМЕСТО ДРУГИХ, ВСЕГДА ЖИВУТ С ЧУЖОЙ ТЕНЬЮ.

— Ты здесь, — сказал голос.

София обернулась.

На пороге стояла Адела.

Но теперь она выглядела почти настоящей.

Тёмные волосы были собраны на затылке. На лице не было

трещин света. Глаза казались усталыми.

— Ты не настоящая, — сказала София.

— Я не знаю, что значит настоящее.

— Ты моя мать?

— Частично.

— Какая часть?

Адела посмотрела на пустой рисунок.

— Та, что сожалела.

София почувствовала, как в груди сжалось сердце.

— Почему ты создала Северана?

— Я не создавала его одна.

— Но ты дала ему лицо.

— Я дала ему твоё первое лицо.

— Зачем?

— Потому что, когда ты умерла, мне нужно было что-то, что удержит тебя в памяти.

— Я вернулась.

— Не сразу.

— Что было со мной?

Адела подошла к столу.

На нём лежала небольшая стеклянная сфера.

Внутри плавал младенческий крик.

— Твоё тело не дышало. Но душа не уходила. Она стояла по ту сторону Вуали и не могла найти дорогу назад.

— А ты?

— Я вошла за тобой.

— Почему не вытащила?

— Потому что по ту сторону была не только ты.

— Северан?

Адела кивнула.

— Он был создан как проводник. Сосуд, который должен был позвать тебя обратно.

— И что пошло не так?

— Он увидел тебя.

Сфера в руках Аделы задрожала.

— Он увидел, что ты должна жить, а он — исчезнуть. Тогда он впервые испугался.

— Он хотел занять моё место.

— Он хотел, чтобы его тоже выбрали.

София молчала.

Адела продолжила:

— Когда ты вернулась, Северан остался по ту сторону. Но часть его памяти проникла в тебя. Ты слышала его во сне, видела его в зеркалах, чувствовала его страхи.

— А Софи?

— Софи — не часть Северана.

— Кто она?

Адела посмотрела на неё.

— Это твоя способность выживать.

— Она была отделена от меня?

— Ты сама отделила её.

— Когда?

— В момент смерти.

София закрыла глаза.

Теперь она поняла.

Внутри неё всегда было три голоса.

Её собственный.

Голос Софи — желание жить.

И голос Северана — страх быть заменённым.

Морок появился позже, когда эти голоса столкнулись с чужой волей.

— Где сейчас Северан? — спросила София.

— В твоём первом воспоминании.

— Как туда попасть?

— Через боль.

— Конечно.

— Или через любовь.

София резко взглянула на мать.

— Не говори так, будто это одно и то же.

— Иногда это так.

— Где он?

Адела протянула ей стеклянную сферу.

Внутри крик стал громче.

— Найди место, где ты впервые назвала кого-то своим.

— Я не помню.

— Ты помнишь.

Сфера коснулась ладони Софии.

Комната исчезла.

Первое «моё»

Софии было четыре года.

Она сидела под столом в столовой. За окном шёл дождь,

но капли падали вверх. В доме было много людей.

Гости говорили о магии.

О наследии.

О том, что лорд Морн слишком долго скрывает дочь.

София пряталась, потому что не любила чужие голоса.

Вдруг рядом с ней кто-то сел.

Мальчик лет семи.

Николас.

Он держал в руках деревянную птицу.

— Почему ты здесь? — спросил он.

— Они громкие.

— Да.

— Ты тоже не любишь?

— Я привык.

Николас протянул ей птицу.

— Её зовут Лира.

— Это девочка?

— Она может быть кем хочет.

София взяла игрушку.

— Она моя?

— Теперь да.

— А ты?

Николас улыбнулся.

— Я тоже.

София посмотрела на него.

И впервые в жизни сказала:

— Мой.

Николас замер.

— Что?

— Ты мой брат.

Он отвёл взгляд.

— Я знаю.

— Нет. Ты мой.

Николас улыбнулся шире.

— Тогда и ты моя.

Воспоминание пошло трещинами.

Под столом появилась ещё одна тень.

Мальчик стоял рядом с ними.

Он был чуть старше Николаса.

Белые волосы.

Лицо Софии.

Северан.

Он смотрел на игрушечную птицу.

— Я тоже хочу быть чьим-то, — сказал он.

Маленькая София подняла голову.

— Кто ты?

— Я жду.

— Чего?

— Когда ты скажешь это мне.

Она протянула руку.

Но Николас схватил её за плечо.

— Не подходи.

— Почему?

Северан отступил.

На его лице появилась печаль.

— Потому что он боится, что ты выберешь меня.

Воспоминание разлетелось.

София очнулась на полу тайной комнаты.

Стеклянная сфера лежала рядом.

Селеста стояла у стены.

— Вы следили за мной? — спросила София.

— Я почувствовала всплеск магии.

— Вы знали, что Северан был рядом с нами в детстве.

— Да.

— Почему никто не сказал?

— Потому что он исчез сразу после этого.

— Он не исчез.

— Теперь я понимаю.

— Где он?

Селеста посмотрела на рисунок.

— В том месте, где ты впервые назвала Николаса своим братом.

— В моём воспоминании?

— В доме.

— Значит, он может быть внутри каждого воспоминания.

— Нет.

Селеста достала из рукава тонкую серебряную нить.

— Он будет только там, где ты впервые выбрала.

— Выбрала что?

— Человека. Имя. Лицо. Себя.

София посмотрела на нить.

— А если я найду его?

— Не пытайся уничтожить.

— Почему?

— Потому что, возможно, он единственный, кто знает, как вернуть твою мать.

Адела стояла в дверях.

Селеста увидела её и побледнела.

— Ты не должна быть здесь.

— Я никогда не была там, где должна, — ответила Адела.

Селеста подняла жезл.

— Уходи.

— Ты всё ещё боишься лица, которое носишь?

— Я боюсь того, что под ним.

Адела посмотрела на Софию.

— Она должна идти в старый театр.

— Второй узел? — спросила София.

— Нет.

— Тогда что там?

— Первый разговор.

— С кем?

Адела улыбнулась.

— С тем, кто научил Северана говорить твоим голосом.

София сжала серебряную нить.

— Морок?

— Нет.

В стенах дома раздался глубокий гул.

Все свечи погасли, кроме одной.

На пустом рисунке появилась надпись:

ЛЮБОВЬ — ЭТО ПАМЯТЬ, КОТОРАЯ ОТКАЗАЛАСЬ УХОДИТЬ.

Адела исчезла.

София подошла к окну.

На улице стоял мальчик.

Северан.

Он смотрел прямо на неё.

В руке у него была деревянная птица Николаса.

— Ты пришла слишком поздно, — сказал он.

София открыла окно.

— Я ещё не пришла.

— Но уже нашла меня.

— Где ты?

Северан поднял птицу.

— Везде, где ты говоришь «мой».

— Тогда ты слышишь меня.

— Всегда.

— И что ты хочешь?

Он прижал игрушку к груди.

— Чтобы ты впервые назвала своим не человека.

— А что?

Северан улыбнулся.

— Свою жизнь.

Ветер ворвался в комнату.

Лицо мальчика распалось на десятки лиц.

Николас.

Адела.

Софи.

София.

Затем исчезло.

На подоконнике осталась деревянная птица.

Внутри неё что-то тихо стучало.

София взяла игрушку.

Из крошечного отверстия в деревянной груди раздался голос Николаса:

— Не верь Северану.

Затем голос Северана:

— Не верь Николасу.

И третий голос — голос самой Софии:

— Не верь себе.

София сжала птицу.

— Тогда кому верить?

В ответ заговорил дом.

Все стены, двери, окна и лестницы одновременно произнесли:

— Никому.

И за пределами дома, под серым утренним небом, начался снег.

Но снежинки падали вверх.

В каждой из них отражалось лицо Северана.

Глава 11. Театр забытых голосов

Снег поднимался к небу.

Он тянулся от крыш тонкими белыми нитями, собирался над городом в огромные облака и исчезал там, где начиналась золотая Вуаль. Каждая снежинка несла отражение Северана.

Но ни одно лицо не повторялось дважды.

Где-то он был ребёнком.

Где-то — стариком.

Где-то его лицо напоминало Николаса.

А иногда София видела саму себя.

Она стояла у окна дома Морн и держала деревянную птицу в руке.

Внутри игрушки голоса продолжали спорить.

— Не верь Николасу.

— Не верь Северану.

— Не верь себе.

София перевернула птицу.

На её деревянной спине проступил знак: круг, разделённый на три части.

Одна была золотой.

Вторая — чёрной.

Третья оставалась пустой.

— Что это? — спросила Селеста.

— Я не знаю.

— Знаешь.

— Это уже начинает раздражать.

Селеста забрала птицу, но едва коснулась её, как деревянная игрушка обожгла ей пальцы.

Настоятельница отдёрнула руку.

На коже появился тонкий след в форме глаза.

— Она признаёт только тебя, — сказала Селеста.

— Игрушка?

— Не игрушка.

Эдриан стоял у двери, глядя на снег.

— Это сосуд памяти.

— Николаса? — спросила София.

— И не только.

— Вы знали о ней?

— Я думал, что уничтожил её.

— Вы слишком часто думаете, что что-то уничтожили.

Отец посмотрел на неё.

— Потому что в этом доме всё возвращается.

— Тогда пойдём в театр.

Селеста нахмурилась.

— Почему туда?

— Мама сказала, что там начинается первый разговор.

— Возможно, она хотела заманить тебя.

— Возможно.

— И ты всё равно пойдёшь?

София повесила медальон на шею.

— Если вся моя жизнь была ловушкой, я хочу хотя бы сама выбрать, в какую войти.

Софи шевельнулась в её тени.

Теперь её силуэт стал чётче. Маленькая девочка почти отделилась от ног Софии, но всё ещё оставалась связана с ней тонкой чёрной линией.

— Я пойду с тобой, — сказала она.

София посмотрела вниз.

— Ты не можешь покинуть тень.

— Тогда не отпускай меня.

— Я не отпущу.

Эдриан резко поднял голову.

— Ты не должна идти.

— Я должна.

— Театр находится на втором узле.

— Значит, там есть магия.

— Там есть память, которая может убить тебя.

— Это не новость.

Отец подошёл к ней.

— София, послушай. Если ты войдёшь в театр, он покажет тебе не то, что было, а то, что могло быть.

— Разница?

— Между воспоминанием и желанием.

— А если я не отличу?

— Тогда ты останешься там.

София сжала деревянную птицу.

Изнутри раздался тихий стук.

— Николас?

Игрушка молчала.

На этот раз голосов не было.

Только один звук.

Три удара.

София посмотрела на отца.

— Он уже там.

Улица забытых имён

До старого театра нужно было пройти через западную часть города.

Когда-то там жили музыканты, актёры и мастера иллюзий. Теперь квартал пустовал. Дома стояли с распахнутыми окнами, а изнутри доносились звуки давно сыгранных пьес.

На одной улице плакала невидимая женщина.

На другой кто-то смеялся в пустом переулке.

Из подвала третьего дома звучала колыбельная.

София остановилась.

— Здесь никто не живёт, — сказала Селеста.

— Люди — нет, — ответила София.

На стене ближайшего дома проступила надпись:

НЕ ПРОИЗНОСИ ИМЁН ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ.

— Почему? — спросила Софи.

— Потому что имя услышит тот, кому оно принадлежит, — сказала Селеста.

— А если имя мёртвого?

Селеста посмотрела на неё.

— Тогда он может прийти.

Эдриан провёл пальцами по рукояти жезла.

— Нужно идти быстрее.

Но город не хотел отпускать их.

На перекрёстке из тумана вышла женщина с корзиной цветов.

На ней было старомодное чёрное платье. Лицо казалось

обычным, однако глаза были закрыты тонкой золотой нитью.

— Купите цветы, — сказала она.

— Нам не нужны цветы, — ответила Селеста.

— Нужны.

Женщина протянула Софии белую розу.

На лепестках блестели капли крови.

— Для кого она? — спросила София.

— Для того, кого ты забыла похоронить.

София не взяла розу.

— Я никого не забывала.

— Все так говорят.

— Кто ты?

Женщина открыла глаза.

Вместо зрачков у неё были маленькие двери.

— Я хранительница последнего слова.

— Чьего?

— Того, кто умрёт сегодня.

Эдриан сделал шаг вперёд.

— Отойди от моей дочери.

Женщина улыбнулась.

— Она уже не только твоя дочь.

— Что это значит?

— Её имя стало слышно.

Ветер пронёсся по улице.

На всех домах одновременно открылись окна.

Из них выглянули люди.

Мужчины, женщины, дети.

У каждого было лицо Софии.

— Кто они? — прошептала она.

— Свидетели, — сказала хранительница. — Те, кто увидел её возвращение.

— Почему они носят моё лицо?

— Потому что пока город не понял, кто ты, он примеряет тебя.

София почувствовала, как лицо начинает меняться.

Кожа стала холодной.

В отражении окон её черты расплылись.

На миг она увидела Северана.

Потом Аделу.

Потом Николаса.

Софи потянула её за руку.

— Не позволяй им выбрать.

София закрыла глаза.

Вспомнила своё имя.

Не Мирра.

Не Астар.

Не имя, данное отцом.

Она вспомнила всё, что создала сама.

Страх.

Гнев.

Одиночество.

Первый побег из дома.

Первый день в Академии.

Первое лицо, которое она отвергла.

— Я — София, — сказала она.

Город замолчал.

Все окна захлопнулись.

Хранительница отступила.

— Пока.

— Что значит «пока»?

— Любое имя — обещание. А обещания можно нарушить.

Она бросила белую розу на мостовую.

Цветок раскрылся.

Внутри лежал маленький чёрный ключ.

София подняла его.

В тот же момент издалека донёсся первый удар театраль-

ного колокола.

Театр

Старый театр стоял у самой границы города.

Его фасад был покрыт мрамором, но мрамор шевелился, словно кожа. Над входом вместо названия висела пустая вывеска.

По обе стороны дверей стояли статуи актёров.

У каждого отсутствовало лицо.

Когда София приблизилась, одна статуя повернула голову.

— Билет, — сказала она.

— У нас нет билетов.

— У каждого есть билет.

— Какой?

Статуя протянула ладонь.

— Последнее воспоминание, которое вы готовы потерять.

Селеста подняла жезл.

— Мы не будем платить.

— Тогда театр возьмёт сам.

Двери открылись.

Изнутри пахнуло пылью, старой древесиной и чем-то сладким, почти гнилым.

София вошла первой.

В фойе горели сотни свечей. На стенах висели портреты актёров, но лица на них менялись каждый раз, когда София отводила взгляд.

На первом портрете была Адела.

На втором — Николас.

На третьем — Северан.

На четвёртом — Софи.

Пятый портрет изображал саму Софию.

Только она стояла в нём старше.

Волосы её были белыми, глаза — полностью чёрными, а за спиной простирались крылья из зеркальных осколков.

— Это будущее? — спросила София.

— Один из вариантов, — ответила Селеста.

— А если я уничтожу портрет?

— Ты уничтожишь только возможность.

— Иногда этого достаточно.

София коснулась рамы.

Портрет заговорил:

— Ты всё равно станешь мной.

Она убрала руку.

— Не сегодня.

Коридор вёл к зрительному залу.

Но двери туда были запечатаны красными нитями. На каждой нити висела маленькая серебряная маска.

Эдриан поднял жезл.

— Отойди.

— Нет.

— Эти печати старше тебя.

— Я тоже старше, чем выгляжу.

Отец посмотрел на неё с болью.

София вынула чёрный ключ, полученный от хранительницы.

Вставила его в замочную скважину, которой секунду на-

зад не было.

Замок щёлкнул.

Красные нити упали на пол.

Все маски одновременно повернулись к Софии.

— София Морн, — прошептали они.

— Мы помним.

— Мы ждали.

— Мы видели, как ты умерла.

Двери распахнулись.

Зрительный зал был бесконечным.

Ряды кресел уходили во тьму. На каждом сидел зритель.

Некоторые были живыми людьми.

Другие — тенями.

Третьи представляли собой пустые костюмы, внутри которых горели маленькие огни.

Все они смотрели на сцену.

Там стояла девочка.

Софи.

София рядом с ней застыла.

— Но она здесь, — прошептала Софи.

— Это отражение.

— Нет.

На сцене девочка подняла голову.

— Я не отражение.

Она была похожа на Софи, но старше. В её волосах мерцали звёзды.

— Кто ты? — спросила София.

— Та, какой она станет, если ты продолжишь отказываться от меня.

Софи в тени сжалась.

— Не слушай.

— Ты всегда говоришь это, — сказала сценическая девочка.

— Потому что ты лжёшь.

— Я говорю то, чего ты боишься.

София спустилась к сцене.

— Где Северан?

— Он за занавесом.

— Что ему нужно?

— Чтобы спектакль начался.

— Какой спектакль?

Девочка улыбнулась.

— Твоя жизнь.

Красный занавес за её спиной дрогнул.

На нём проступили сцены.

София в колыбели.

София в библиотеке.

София у зеркала.

София в Академии.

София на платформе.

Но между знакомыми событиями возникали новые.

Она увидела себя в детстве рядом с Североном.

Увидела, как они вместе играют в саду.

Как Северан держит её за руку на похоронах Аделы.

Как он стоит рядом, когда София впервые меняет лицо.

Как он учит её слышать ложь.

Как он целует её в лоб перед первым днём в Академии.

— Этого не было, — сказала София.

— Могло быть.

— Он не был рядом.

— Был.

— Я бы помнила.

— Ты помнишь не всё.

Северан вышел из-за занавеса.

Он был в чёрном костюме, с белой маской в руке.

— Я не хочу отнимать твою жизнь, — сказал он.

— Тогда зачем показываешь мне чужие воспоминания?

— Они не чужие.

— Они ложные.

— Они принадлежат жизни, которую мы могли прожить.

— Не могли.

— Почему?

— Потому что ты был создан вместо меня.

— А если нет?

Северан приблизился.

— Если я был создан рядом с тобой?

София почувствовала, как в груди дрогнула память.

Она увидела мать.

Две колыбели.

Два младенца.

Один плакал.

Другой молчал.

Адела стояла между ними и не могла выбрать.

— Ты помнишь, — сказал Северан.

— Я вижу образ.

— Образ не всегда ложь.

— Кто из нас был первым?

— Ты.

— Кто из нас должен был умереть?

Северан отвёл взгляд.

— Я.

— А кто умер?

— Ты.

София замолчала.

Северан поднял белую маску.

— Я не хотел твоей смерти.

— Но ты занял моё место.

— Я ждал тебя.

— Ты пытался украсть моё лицо.

— Потому что у меня не было своего.

Он коснулся маски.

— У каждого здесь есть роль. Даже у тех, кто считает себя свободным.

На зрительских рядах кто-то захлопал.

Звук прошёл по залу волной.

Софи в тени зашипела:

— Он снова врёт.

София посмотрела на Северана.

— В чём?

— Он не хочет твоего лица.

— Чего же он хочет?

Софи подняла голову.

— Чтобы ты дала ему своё имя.

Северан улыбнулся.

— Разве это не одно и то же?

София почувствовала, как театр оживает.

Кресла заскрипели.

С потолка посыпалась золотая пыль.

На сцене возник огромный круг, разделённый на две по-

ловины.

Одна сторона была белой.

Другая — чёрной.

В центре лежало пустое место для имени.

— Если ты войдёшь в круг, — сказал Северан, — мы узнаем, кто из нас настоящий.

— А если я не войду?

— Тогда театр выберет.

— Кого?

— Того, кто останется.

Эдриан выкрикнул с края сцены:

— София, не делай этого!

Селеста держала его, не позволяя приблизиться.

— Вы знали, что так будет, — сказала она.

— Я знал, что театр покажет ей правду.

— Нет. Вы знали, что театр потребует выбора.

София повернулась к отцу.

— Какой выбор?

Эдриан смотрел на неё с ужасом.

— Между тобой и Североном.

— Кто должен умереть?

— Никто.

— Театр так не думает.

— Потому что театр питается жертвами.

Софи вышла из тени.

Теперь её тело было почти прозрачным.

— Он не сможет выбрать между нами, — сказала она.

— Почему? — спросила София.

— Потому что мы не две стороны.

Северан резко повернулся к девочке.

— Ты не имеешь права говорить.

— Я имею право на всё, что ты украл.

— Я ничего не крал!

— Ты украл её страх.

— Он был единственным, что у неё было!

— Теперь у неё есть жизнь.

Северан поднял руку.

Белая маска вспыхнула.

Софи вскрикнула и упала на колени.

София почувствовала, как её тень вытягивается к сцене.

— Отпусти её!

— Тогда назови своё первое имя.

— Нет.

— Назови.

— Нет.

— Астар!

Театр содрогнулся.

Зрители поднялись.

И все они, живые и мёртвые, произнесли одно слово:

— **Астар.**

София почувствовала, как её тело начинает меняться.

Кожа стала прозрачной.

Под ней появились звёзды.

Волосы превратились в чёрный дым.

На руках проступили символы города имён.

Селеста закричала заклинание, но её голос исчез.

Эдриан попытался войти на сцену — и застыл, превращённый в мрамор.

Софи протянула к Софии руки.

— Не становись тем, кем тебя называют.

Северан приблизился.

— Ты уже была Астар до того, как стала Софией.

— Да.

— Тогда перестань сопротивляться.

— Я не сопротивляюсь.

София посмотрела на него.

— Я вспоминаю.

Она вошла в круг.

Свет и тьма сомкнулись вокруг неё.

Но вместо двух имён в центре возникло третье.

Не Астар.

Не София.

Не Мирра.

Имя, которое никто не произносил прежде.

Оно возникло из всех её воспоминаний — из боли, любви, страха, одиночества и выбора.

Северан отступил.

— Что это?

София подняла голову.

— Моё.

Имя загорелось.

Театр закричал.

Не люди.

Само здание.

Стены раскрыли глаза, занавес превратился в крылья, а сцена провалилась в чёрное пространство.

Северан схватил Софию за руку.

— Не отпускай!

— Почему?

— Если ты произнесёшь это имя, я исчезну!

— Ты знал?

— Да!

— Тогда почему заставлял меня войти?

— Потому что иначе исчезнешь ты!

София посмотрела на него.

Впервые она услышала в его голосе не ложь и не голод.

Страх.

Настоящий.

Она сжала его руку.

— Я не позволю исчезнуть ни одному из нас.

— Ты не можешь спасти всех.

— Значит, научусь.

София прижала ладонь к его груди.

Не изменила его лицо.

Не забрала память.

Не дала ему своё имя.

Она поделилась своим.

Свет проник в Северана.

Его лицо начало меняться.

Черты Софии исчезли.

Исчезли черты Николаса и Аделы.

Перед ней оказался мальчик с собственным лицом.

Он выглядел растерянным.

Почти обычным.

— Как меня зовут? — спросил он.

София услышала ответ внутри.

Но имя было не её.

Она позволила ему самому произнести его.

Мальчик открыл рот.

— Север.

Одно слово.

Короткое.

Не Североран.

Не замена.

Не отражение.

Север.

Театр замолчал.

Круг под ногами погас.

Софи снова стала тенью.

Север упал на сцену.

А София почувствовала, что в её груди стало легче.

Но вместе с этим исчезло что-то ещё.

Часть боли.

Часть страха.

Часть воспоминаний о человеке, которого она только что спасла.

— София, — прошептал Север. — Ты помнишь меня?

Она посмотрела на него.

— Да.

Он улыбнулся.

— Тогда мы оба настоящие.

Позади них медленно открылся занавес.

За ним не было сцены.

Там стоял огромный зал, полный дверей.

На каждой двери было написано имя.

На одной — **Адела**.

На другой — **Николас**.

На третьей — **Морок**.

Самая дальняя дверь была без имени.

Из-за неё донёсся голос.

— Астар.

София вздрогнула.

Север поднялся.

— Что это?

Софи ответила из тени:

— Тот, кто сделал нас.

Селеста наконец освободила Эдриана от мрамора.

— Кто?

Софи посмотрела на безымянную дверь.

— Не человек.

Дверь начала открываться.

Из темноты пахнуло морем, снегом и древним огнём.

А затем София услышала голос, который помнила ещё до рождения:

— Вернись домой, дитя.

Она сделала шаг к двери.

И впервые в жизни захотела не убежать.

Глава 12. Дом за безымянной дверью

За дверью не было комнаты.

Там простиралось море.

Чёрное, без берегов, без волн и горизонта. Его поверхность казалась гладким стеклом, но под ней медленно двигались огромные тени.

Над морем висело небо без звёзд.

Только одна белая точка горела вдалеке.

София шагнула вперёд.

— Не ходи, — сказал Эдриан.

Она остановилась.

— Почему?

— Потому что эта дверь открывается не наружу. Она открывается внутрь тебя.

София посмотрела на море.

В его глубине что-то шевельнулось.

— Тогда я уже там.

Север стоял рядом с ней. Он больше не был похож на Северана. Теперь его лицо принадлежало только ему: бледное, худое, с тёмными глазами и шрамом над левой бровью.

Он смотрел на море с тревогой.

— Я помню это место.

— Ты здесь был?

— До того, как у меня появилось имя.

— Что ты помнишь?

Север провёл рукой по виску.

— Звук. Как будто кто-то поёт под водой. И большую белую руку.

Селеста заглянула в дверной проём.

Её лицо стало напряжённым.

— Это не город имён.

— Тогда что? — спросила София.

— Его начало.

— Начало чего?

Селеста

не ответила.

Вместо неё заговорило море.

— Начало вас.

Вода перед дверью пошла кругами. Из неё поднялась фигура.

Сначала София увидела длинное платье.

Затем руки.

Плечи.

Волосы, плавающие в воде, хотя вокруг не было ветра.

Лицо появилось последним.

Адела.

Но на этот раз она не была воспоминанием, отражением или тенью.

Она выглядела живой.

На её коже блестели капли чёрной воды. В глазах отражалось беззвёздное небо.

— Мама, — прошептала София.

Адела улыбнулась.

— Ты выросла.

София не могла пошевелиться.

Эдриан поднял жезл.

— Отойди от неё.

Адела перевела взгляд на него.

— Ты всё ещё держишь этот жезл.

— А ты всё ещё делаешь вид, что имеешь право возвращаться.

— Я не возвращалась.

— Тогда что ты здесь делаешь?

Адела посмотрела на Софию.

— Жду её.

— Ты бросила нас.

— Я оставила дверь открытой.

— Ты бросила нас! — повторил Эдриан.

Море за Аделой вздрогнуло.

Вдали вспыхнула белая точка.

Адела тихо сказала:

— Не говори так, будто я ушла добровольно.

— Ты выбрала Вуаль.

— Я выбрала жизнь Софии.

— И отдала Николаса.

— Я не отдавала его.

— Ты позволила ему стать ключом.

Адела закрыла глаза.

— Я не знала, что ключ всегда открывает две стороны.

София встала между ними.

— Хватит.

Они оба замолчали.

София смотрела на мать.

— Ты настоящая?

— Да.

— Где ты была?

— В доме, который построили до мира.

— Почему не вернулась?

— Потому что не могла перейти одна.

— А сейчас можешь?

Адела посмотрела на Севера.

— Теперь дверь получила два имени.

— Моё и его?

— Нет. Твоё и его — одно настоящее имя и одна новая жизнь.

Север нахмурился.

— Я не понимаю.

— Тебе не обязательно понимать.

— Мне всю жизнь говорили, что я создан вместо неё.

— Это было правдой.

Север вздрогнул.

Адела продолжила:

— Но созданное может стать рождённым.

София ощутила слабую вибрацию под ногами.

Театр за её спиной начал исчезать.

Кресла растворялись.

Зрители превращались в пепел.

Стены покрывались влажными следами ладоней.

— Нужно уходить, — сказала Селеста.

— Куда? — спросила София.

Адела протянула руку.

— Ко мне.

София не двинулась.

— Почему я должна тебе доверять?

— Не должна.

— Тогда зачем зовёшь?

— Потому что скоро проснётся тот, кто не простит тебе твоего имени.

— Кто?

Адела посмотрела на море.

Все тени под водой одновременно подняли головы.

— Твой создатель.

Архив до рождения

Они вошли в море.

Вода не была холодной.

Она была тяжёлой.

Каждый шаг требовал усилия, будто София двигалась сквозь плотную память.

Под ногами не было дна. Но вода держала их, словно знала вес каждого.

Селеста шла последней, не выпуская жезл из руки. Эдриан держался рядом с дочерью. Север следовал за ними, постоянно оглядываясь на исчезающий театр.

— Ты боишься? — спросила София.

— Да.

— Чего?

— Что если я перестану идти, то снова стану тем, кем был.

— А кем ты был?

— Ожиданием.

София посмотрела на него.

— Теперь ты Север.

— Имя звучит слишком маленьким.

— Большие имена часто оказываются пустыми.

— А твоё?

— Моё всё ещё меняется.

Адела вела их дальше.

По мере того как они удалялись от двери, над водой начали появляться огни. Они висели под поверхностью, словно утонувшие звёзды.

В каждом огне находилось воспоминание.

София увидела себя младенцем.

Себя в возрасте пяти лет.

Себя во время первого превращения.

Себя в Академии.

Но среди этих образов были и другие.

Николас, который стоял перед зеркалом и пытался повторить её лицо.

Север, лежащий в белой комнате.

Адела, вырезающая золотой символ на собственной ладони.

Эдриан, сжигающий письма.

Селеста, ещё совсем юная, склоняющаяся над колыбелью.

София резко остановилась.

— Что она делала?

Селеста отвела взгляд.

— Это было давно.

— Вы держали меня?

— Я помогала твоей матери.

— Вы участвовали в ритуале.

— Да.

— Вы видели, как меня разделяли.

— Да.

— И молчали.

— Да.

София повернулась к ней.

— Почему?

Селеста ответила не сразу.

— Потому что Адела попросила меня. А потом приказала забыть.

— Она могла заставить вас?

— Нет.

— Тогда почему?

Селеста посмотрела на огни под водой.

— Потому что я любила её.

Эдриан сжал кулаки.

— Не говори о любви так, будто она оправдывает предательство.

— Она ничего не оправдывает.

— Ты знала, что Адела оставила часть Софии в Вуали.

— Я знала, что это был единственный способ сохранить ребёнка.

— А Николас?

— Я не знала, что он станет ключом.

— Ты видела его.

— Да.

— И всё равно молчала.

Селеста устало закрыла глаза.

— Я думала, что молчание спасёт вас.

София почувствовала знакомую боль.

Все они говорили одно и то же.

Я хотел спасти тебя.

Я пыталась спасти тебя.

Я молчала ради тебя.

София посмотрела на Аделу.

— Почему все считают, что спасение даёт право лгать?

Адела не обернулась.

— Потому что страх любит называться заботой.

Они подошли к белой точке.

Она оказалась огромными вратами, стоящими прямо в море.

На них не было ни ручек, ни замков.

Только семь символов.

София узнала первый.

Лицо без черт.

Второй напоминал глаз.

Третий — открытый рот.

Четвёртый — ладонь.

Пятый — сердце.

Шестой — закрытую дверь.

Седьмой символ был ей незнаком.

Он напоминал человека, стоящего внутри круга.

— Что означает последний? — спросил Север.

Адела ответила:

— Выбор.

— Почему он закрыт?

— Потому что его ещё никто не сделал.

София подошла к вратам.

Когда она коснулась их, море исчезло.

Они оказались в огромном архиве.

Стеллажи поднимались так высоко, что растворялись в темноте. На них стояли сосуды, книги, хрустальные кубы и маленькие стеклянные сердца.

В каждом предмете хранилась жизнь.

— Это архив душ? — спросила София.

— Нет, — сказала Адела. — Души нельзя хранить.

— Тогда что здесь?

— Возможности.

На ближайшей полке стояли три сосуда.

В первом София увидела себя правительницей города.

Во втором — слепой странницей.

В третьем — старухой, которая сидела у моря.

— Это могли быть мои жизни?

— Это жизни, от которых ты отказалась.

— Я их проживала?

— Нет. Но каждый отказ оставляет след.

Север подошёл к другому сосуду.

В нём он увидел себя маленьким, счастливым и окружённым детьми.

— Это моя жизнь?

— Одна из возможных.

— Почему я её не получил?

— Потому что тебя создали для другой цели.

Север коснулся стекла.

Сосуд треснул.

Из него вырвался свет и вошёл ему в грудь.

Он задохнулся.

София схватила его за руку.

— Север!

— Я помню…

— Что?

— Как это — хотеть не быть нужным.

Его глаза наполнились слезами.

— Я думал, что если стану полезным, меня оставят.

София не знала, что сказать.

Тогда просто обняла его.

Север застыл.

Никто никогда не касался его так — не как инструмента, не как замены, не как угрозы.

Один из стеклянных сосудов на дальней полке загорелся.

Внутри появилась фигура Николаса.

Он стоял в пустой комнате и смотрел прямо на Софию.

— Он тоже здесь, — сказал Север.

— Николас?

Фигура в сосуде подняла руку.

На стекле проступили слова:

НЕ ИЩИ МЕНЯ.

София подошла ближе.

— Почему?

Слова изменились:

Я НЕ ТОТ, КОГО ТЫ ПОМНИШЬ.

— Тогда кто ты?

ТОТ, КОГО ОНИ СОЗДАЛИ ПОСЛЕ МОЕЙ СМЕРТИ.

София почувствовала, что не может дышать.

— Морок?

Фигура покачала головой.

На стекле появились новые слова:

Я — ДОМ.

Архив содрогнулся.

Стеллажи зашевелились.

Сосуды начали один за другим разбиваться.

Из них вытекали воспоминания: детский смех, последние

слова умирающих, запахи давно исчезнувших домов, лица тех, кого никто не помнил.

Адела резко обернулась.

— Он нашёл вход.

— Кто?

В глубине архива зажглись два белых глаза.

Затем появился голос.

— Та, кто помнит до начала.

София почувствовала, что это имя обращено к ней.

Из-за стеллажей вышла высокая фигура.

Она была похожа на женщину, но её тело состояло из страниц, нитей и тонких костей света. На месте лица находилась пустая рамка.

— Астар, — сказала фигура. — Ты вернулась.

София встала перед Севером.

— Кто вы?

— Я храню то, что было до тебя.

— Моё прошлое?

— Не только твоё.

Фигура подняла руку.

В воздухе возникло изображение города имён.

— Я храню первое пламя.

София посмотрела на неё.

— Вы создали меня?

— Нет.

— Тогда кто?

— Ты создала себя.

— Это невозможно.

— Невозможное — всего лишь событие, которое ещё не получило имени.

Фигура приблизилась.

— Ты появилась до первого рождения. Ты была мыслью, которая отказалась оставаться мыслью.

— Я была человеком.

— Позже.

— А до этого?

— Ты была желанием жить.

София почувствовала, как внутри неё отзывается Софи.

Маленькая девочка вышла из тени и встала рядом.

— Это она, — сказала Софи. — Та, что разбудила нас.

— У тебя хороший слух, — ответила фигура.

— Я помню твой голос.

— Ты была первой частью, которая услышала его.

София посмотрела на Софи.

— Что она сделала?

— Попросила нас разделиться.

— Зачем?

— Чтобы одна из нас могла войти в мир, а другая осталась хранить дверь.

Фигура наклонила голову.

— Но вы нарушили договор.

— Какой?

— Когда София вернулась в мир, Софи должна была исчезнуть.

Софи взяла Софию за руку.

— Я отказалась.

— Поэтому возник Морок.

— Из-за меня?

— Из-за отказа от порядка.

София посмотрела на архив.

На разбитые сосуды.

На Севера.

На отражение Николаса в стекле.

— Порядок, в котором кто-то должен исчезнуть, — это не порядок.

Фигура впервые изменилась.

В её пустой рамке появился рот.

— Именно так говорил твой создатель.

София замерла.

— Кто мой создатель?

— Ты знаешь.

В архиве погасли все огни.

Остался один сосуд.

В нём стоял Эдриан.

Но не нынешний.

Молодой.

Испуганный.

Он держал в руках не ребёнка, а сияющее сердце.

Рядом с ним стояла Адела.

И между ними находилась третья фигура.

Лицо скрывала белая маска.

— Он, — прошептала София.

Эдриан в сосуде произнёс:

— Если мы дадим ей сердце, она сможет родиться.

Адела ответила:

— А если не дадим?

Человек в маске наклонился к сияющему сердцу.

— Тогда вы создадите не дочь.

Он прикоснулся к нему.

Сердце раскололось на три части.

Одна стала золотой.

Вторая — чёрной.

Третья — прозрачной.

— Вы создадите дверь, — сказал он.

София смотрела на сосуд.

— Кто этот человек?

Эдриан в воспоминании снял белую маску.

София увидела лицо.

И узнала его.

Это был директор Академии — мастер Эллиан Восс.

Отец ректора Эвелины.

И человек, который исчез за двадцать лет до рождения Софии.

Селеста побледнела.

— Его не может быть.

Адела в сосуде сказала:

— Он должен был умереть.

— Он не умер, — ответила фигура из страниц.

— Где он?

Фигура повернулась к Софии.

— В месте, куда ты всё время возвращаешься.

— В доме Морн?

— Нет.

— В Академии?

— Нет.

— В моей памяти?

— Ближе.

София почувствовала присутствие за спиной.

Кто-то стоял прямо там.

Дыхание коснулось её шеи.

— В тебе, — прошептал голос.

Софи резко обернулась.

Позади никого не было.

Но внутри груди Софии загорелась третья линия.

Прозрачная.

Она проходила через сердце, как трещина в стекле.

София упала на колени.

В её сознании открылась дверь.

За ней стоял человек в белой маске.

— Я ждал, — сказал он.

— Вы внутри меня.

— Я был там до твоего первого крика.

— Вы создали меня.

— Нет.

Он снял маску.

Под ней не было лица.

Только бесконечная тьма.

— Я создал место, в котором ты могла родиться.

София поднялась.

— Зачем?

— Чтобы однажды ты открыла мне путь обратно.

— Куда?

— В мир.

— Вы уже в нём.

— Не целиком.

Маска в его руке раскололась.

— Мне нужна третья часть сердца.

София посмотрела на прозрачную линию в своей груди.

— Эта?

— Да.

— Что произойдёт, если я отдам её?

— Ты станешь полностью собой.

— А вы?

— Я тоже.

Софи вскрикнула:

— Не верь ему!

Север бросился к Софии, но между ними возникла прозрачная стена.

Человек без лица протянул руку.

— Астар, отдай мне то, что принадлежит мне.

София почувствовала, как в ней просыпается древняя сила.

Перед глазами промелькнули все её жизни.

Все лица.

Все имена.

Все моменты, когда она могла стать кем-то другим.

Но среди них нашлось одно воспоминание, которого не было в архиве.

Первое слово.

Не имя.

Не заклинание.

София сказала:

— Нет.

Фигура замерла.

— Ты не понимаешь.

— Понимаю.

София положила ладонь на грудь.

Прозрачная линия вспыхнула.

— Это не часть вашего сердца.

— Отдай её.

— Она моя.

Внутри архива раздался голос Николаса:

— Правильно.

Сосуд с его изображением разбился.

Осколки поднялись в воздух и сложились в человеческую фигуру.

Николас стоял перед Софией.

Не призрак.

Не память.

Не отражение.

Он был прозрачным, словно созданным из света подводной луны.

— Ты вернулся, — прошептала София.

— Ненадолго.

Николас посмотрел на человека без лица.

— Он не создал тебя, София.

— Тогда что сделал?

— Он испугался того, что ты могла стать.

— Почему?

— Потому что ты была первой, кто мог выбрать собственное имя.

Фигура отступила.

— Ты снова вмешиваешься.

— Я всегда вмешивался.

— Ты должен был стать ключом.

— Я стал дверью.

Николас повернулся к Софии.

— Но дверь может закрыться.

— Как?

— Ты должна выбрать, что оставить по эту сторону.

София посмотрела на Софи.

На Севера.

На Аделу.

На Эдриана.

На Николаса.

— Я не хочу оставлять никого.

— Тогда выбери иначе.

— Как?

— Оставь не человека.

София поняла.

Она должна была оставить то, что связывало их.

Не память.

Не любовь.

Не самих людей.

Страх.

Страх исчезнуть.

Страх быть заменённой.

Страх остаться одной.

София открыла ладонь.

Из неё вышла чёрная нить.

Она была толстой, как жила, и уходила в каждого из них.

В Софи.

В Севера.

В Аделу.

В Эдриана.

В Николаса.

Даже в человека без лица.

София потянула нить на себя.

Все закричали.

Она почувствовала их страхи, как собственные.

Но не отпустила.

Нить лопнула.

Из неё вырвался чёрный дым.

Он поднялся к потолку архива и превратился в фигуру Морока.

— Ты освободила меня, — сказал он.

— Нет.

София закрыла ладонь.

— Я назвала тебя.

Морок задрожал.

— Как?

— Страх.

Фигура без лица отступила.

Морок повернулся к нему.

Впервые они увидели друг друга.

Человек без лица прошептал:

— Ты должен был быть моим оружием.

— Я был твоей тенью.

— Тени подчиняются.

— Не после того, как их назвали.

Морок раскрыл рот.

Из него вырвался хор голосов.

Архив начал рушиться.

Сосуды падали.

Страницы горели синим огнём.

Адела схватила Софию за руку.

— Нужно уходить.

— А Николас?

Николас улыбнулся.

— Я уже там, где должен быть.

— Нет!

— София, послушай.

Он коснулся её лба.

— Ты не потеряла меня. Ты просто больше не обязана держать меня внутри себя.

София заплакала.

— Я не хочу забывать.

— Не забудешь.

— Обещаешь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что обещания иногда становятся цепями.

Он поцеловал её в лоб.

Точно так же, как когда-то Адела поцеловала младенца.

Николас исчез.

Но деревянная птица в руке Софии стала тёплой.

Внутри неё больше не было голосов.

Только тихий звук крыльев.

София, Север, Софи, Адела, Эдриан и Селеста побежали к воротам.

Позади них человек без лица растворялся в огне.

Но перед тем как исчезнуть, он сказал:

— Я не проиграл, Астар.

София обернулась.

— Почему?

— Потому что теперь ты знаешь, где я.

— Где?

Вместо ответа он указал на её грудь.

Третья линия внутри сердца стала темнее.

София вышла из архива.

Двери захлопнулись.

Море исчезло.

Она снова стояла в театре.

Рассвет проникал через разбитую крышу. Зрительный зал был пуст.

На сцене лежала белая маска.

На ней проступили слова:

ПЕРВЫЙ УЗЕЛ ЗАКРЫТ.

Затем появились новые:

ВТОРОЙ УЗЕЛ ОТКРЫТ.

Селеста посмотрела в сторону города.

На востоке вспыхнула башня Академии.

Эдриан сжал жезл.

Север поднял голову.

Софи стала почти невидимой.

А София услышала внутри себя тихий голос.

Не Аделы.

Не Морока.

Не человека без лица.

Свой собственный.

— Теперь я знаю, кто я.

Она посмотрела на золотую Вуаль над городом.

— Но ещё не знаю, кем стану.

В этот момент башня Академии раскололась.

Из её вершины поднялось огромное чёрное дерево.

На каждой ветви висела маска.

А на самой верхней, лицом к Софии, висела маска Эвелины Восс.

Ректор смотрела изнутри неё.

И улыбалась.

Глава 13. Башня, выросшая из ночи

Башня Академии не рухнула.

Она раскрылась.

Камни разошлись, словно чешуя на спине огромного существа, и из трещин поднялось чёрное дерево. Его ствол пророс сквозь этажи, разорвал купол обсерватории и упёрся в золотую Вуаль.

Ветви дерева были тонкими, почти прозрачными. На каждой висела маска.

Студенческие.

Преподавательские.

Детские.

Маски давно умерших магов.

Маски тех, кто ещё жил.

Они покачивались без ветра и тихо постукивали друг о друга.

Тук.

Тук.

Тук.

София слышала этот звук даже сквозь расстояние.

Стук был похож на сердцебиение.

Только сердце принадлежало не человеку.

— Это Древо Лиц, — сказала Селеста.

— Вы знаете, что происходит?

— Знаю, что не должна была дожить до этого дня.

— Значит, это уже случалось?

Селеста посмотрела на Академию.

— Один раз.

Эдриан сжал жезл.

— Нет.

— Ты был там, — сказала Селеста.

— Я был ребёнком.

— Но видел.

София повернулась к отцу.

— Что случилось?

— Академия пыталась открыть второй узел.

— Зачем?

— Чтобы понять, откуда пришла магия.

— И что они нашли?

Эдриан смотрел на чёрное дерево.

— Ответ.

— Какой?

— Магия не пришла в мир.

Ветер пронёсся над площадью. Золотая Вуаль колыхнулась.

— Она всегда была миром, — закончил Эдриан.

Дорога к Академии

Они шли через улицы, в которых исчезали привычные расстояния.

Дом, стоявший в конце квартала, оказался рядом с театром. Лестница, ведущая вниз, вывела их на крышу. Переулок, по которому София прошла всего несколько минут назад, теперь тянулся вдаль бесконечной чёрной лентой.

Город изменялся не из-за паники.

Он менял форму сознательно.

Люкс-Августа больше не была городом камня.

Она стала существом, которое пыталось вспомнить собственное тело.

Мосты изгибались, чтобы не пересекаться с тенями.

Двери закрывались перед теми, кто носил чужие лица.

Окна показывали не комнаты, а внутренние страхи жильцов.

На площади маг сидел перед фонтаном и разговаривал со своей тенью.

— Я не хочу возвращаться, — говорил маг.

Тень отвечала:

— Ты никогда и не уходил.

Рядом стояла девочка, окружённая голубыми искрами.

Искры складывались в маленьких птиц и садились ей на плечи.

— Это что за заклинание? — спросила София.

— Остаточная память, — сказала Селеста. — Когда магия выходит из-под контроля, она принимает ближайшую форму.

— Почему птицы?

— Девочка боится одиночества.

София посмотрела на искры.

Одна из птиц повернула к ней крошечную голову.

— А чего боится город? — спросила она.

Селеста ответила:

— Что его забудут.

София коснулась медальона.

Внутри него больше не было чёрного осколка. После театра осколок превратился в тонкую пыль, но не исчез. Пыль оседала на коже, проникала под ногти, смешивалась с кровью.

Её магия изменилась.

Раньше она принимала лица.

Теперь она чувствовала, что находится за лицами.

София видела чужие имена, как нити света.

Одни были прямыми и яркими.

Другие путались в узлы.

Третьи уходили глубоко под землю.

У Эдриана имя было серым, покрытым трещинами.

У Селесты — белым, но внутри него шевелился красный огонь.

У Севера имя только формировалось. Оно было коротким, тёмно-синим и напоминало зимнее небо.

А у Софи имени не было.

Она состояла из пустоты, которая принимала форму Софии.

— Почему ты ничего не помнишь о себе? — спросила София у неё.

Софи шла в её тени.

— Потому что я не воспоминание.

— Тогда кто?

— Возможность.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

София остановилась.

— Если ты возможность, то возможность чего?

Софи посмотрела на башню Академии.

— Пережить то, что ты не переживёшь сама.

Эти слова были сказаны просто.

Оттого стали страшнее.

Север, шедший впереди, обернулся.

— Она всё ещё с тобой говорит?

— Да.

— Я ничего не слышу.

— Ты не связан с ней.

Софи посмотрела на Севера.

— Пока.

Мальчик нахмурился.

— Что это значит?

Софи улыбнулась.

— Однажды ты тоже станешь частью её тени.

Север побледнел.

София резко повернулась к Софи.

— Не пугай его.

— Я не пугаю.

— Тогда не говори так.

— Ты боишься, что он исчезнет?

София не ответила.

Софи тихо добавила:

— Именно поэтому он может исчезнуть.

Академия

Ворота Академии были распахнуты.

Они лежали на земле, покрытые инеем. На металлических прутьях висели сотни маленьких колокольчиков, но ни один не звенел.

Во дворе не было учеников.

Не было преподавателей.

Не было птиц.

Только чёрные корни дерева, проросшие между плитами.

Корни шевелились, словно искали кого-то под землёй.

София почувствовала зов.

Он исходил от башни.

Магия внутри неё ответила.

Третья прозрачная линия в груди засветилась.

— Она приглашает тебя, — сказала Селеста.

— Кто?

— Академия.

— Академия не живая.

Все окна здания одновременно открылись.

Изнутри донёсся глубокий вздох.

Эдриан посмотрел на Селесту.

— Теперь живая.

Они вошли.

Внутри было темно, но темнота не была пустой. Она дви-

галась по стенам, собиралась в углах, касалась обуви.

На полу лежали книги.

У каждой страницы были глаза.

Когда София проходила мимо, книги раскрывались и шептали заклинания.

— Не слушай, — сказал Эдриан.

— Почему?

— Книги Академии читают не слова.

— А что?

— Читателя.

Одна книга сама поднялась в воздух.

На её обложке было написано:

МЕТОДЫ РАЗДЕЛЕНИЯ СОЗНАНИЯ.

Она раскрылась перед Софией.

На первой странице появилась её детская фотография.

На второй — изображение Софи.

На третьей — Север.

На четвёртой — пустой силуэт, внутри которого клубилась тьма.

София захлопнула книгу.

Она застонала.

— Она узнала меня.

— Все книги здесь знают тебя, — сказала Селеста.

— Почему?

— Потому что когда-то ты была записана в каждой из них.

— Я?

— Не ты, — ответил Эдриан. — Возможность тебя.

В конце коридора открылась дверь.

На ней были вырезаны семь глаз.

Один глаз открылся.

Из него потекла чёрная жидкость.

— Второй узел, — прошептал Север.

Селеста подняла жезл.

— За этой дверью нельзя говорить правду.

— Почему?

— Потому что узел питается правдой.

— А ложью?

— Ложь он превращает в воспоминание.

София посмотрела на отца.

— Значит, в этот раз никто не будет говорить.

— Это невозможно, — ответил Эдриан.

— Тогда будем выбирать слова.

Она открыла дверь.

Зал без голосов

За дверью находился огромный круглый зал.

В центре стоял колодец.

Но в нём не было воды.

Вместо воды там плавали слова.

Они медленно кружились в чёрной глубине, сталкивались, распадались и снова собирались.

Мать.

Смерть.

Имя.

Предательство.

Возвращение.

Любовь.

Дом.

Над колодцем вращалось чёрное дерево, уменьшенная копия того, что росло из башни. На его ветвях вместо масок висели языки.

Сотни языков.

Каждый произносил что-то своё.

Но звука не было.

— Это место хранит несказанное, — сказала Селеста.

Её слова прозвучали глухо.

Зал попытался забрать их.

Каждая буква отделилась от её голоса и полетела к колод-

цу.

Селеста замолчала.

— Теперь нельзя говорить? — спросил Север.

Звука не было, но вопрос возник прямо в сознании Софии.

Она кивнула.

Внезапно двери за ними закрылись.

В центре зала появилась ректор Эвелина Восс.

Она стояла внутри ствола чёрного дерева. Ветки проходили сквозь её тело, но крови не было. Вместо крови из ран вытекал золотой свет.

На лице ректора была маска.

Та самая, что София видела на верхушке башни.

— Ректор, — произнёс Эдриан.

Его голос исчез, едва коснувшись воздуха.

Эвелина улыбнулась.

— Здесь слова принадлежат не вам.

Она говорила беззвучно, но все слышали её внутри себя.

София почувствовала, как магия пытается проникнуть в её мысли.

— Вы открыли второй узел, — сказала она.

Слова остались.

Эвелина повернула голову.

— Нет. Это ты открыла его.

— Я?

— Когда закрыла первый.

— Почему?

— Первый узел удерживал память. Второй удерживает голос.

— Что произойдёт, если он откроется?

— Мир сможет произнести то, что до сих пор было невозможно сказать.

София посмотрела на колодец.

— Например?

Эвелина подняла руку.

Слова в колодце вспыхнули.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Я УБИЛ ТЕБЯ.

Я БОЮСЬ.

Я НЕ ТВОЯ МАТЬ.

Последняя фраза появилась перед Софией.

Адела.

Софи.

Север.

Эдриан.

Все повернулись к ней.

София почувствовала, как внутри неё распахивается пустота.

— Кто из вас не моя мать? — спросила она.

Адела не была рядом.

Но её лицо возникло на поверхности колодца.

Эдриан отступил.

Эвелина улыбнулась.

— Задай вопрос.

— Вы не можете заставить меня.

— Уже заставила.

София посмотрела на отца.

— Кто из вас лгал мне о матери?

Эдриан не ответил.

Но его молчание стало словом.

Оно сорвалось с губ невидимой нитью и упало в колодец.

Зал вздрогнул.

Дерево на башне застонало.

На ветвях загорелись новые маски.

Софи закрыла уши.

— Не спрашивай больше.

— Почему?

— Потому что здесь ответ имеет форму.

София посмотрела в колодец.

Слова на дне начали складываться в лицо.

Лицо было похоже на Аделу.

Но рот принадлежал Северану.

— Ты не моя мать, — сказала София.

Адела на поверхности воды улыбнулась.

— Я знаю.

Мир остановился.

Эдриан закрыл глаза.

Селеста отступила к стене.

Север сжал кулаки.

Софи стала прозрачной.

— Что ты сказала? — спросила София.

Лицо в колодце изменилось.

Теперь оно стало лицом Аделы, но голосом говорило другое существо.

— Я не та Адела, которую ты помнишь.

— Кто ты?

— Остаток.

— Остаток чего?

— Той, которая вошла в Вуаль.

— А настоящая Адела?

— За третьей дверью.

София посмотрела на Эвелину.

— Где третья дверь?

Ректор указала на дерево.

На его стволе открылась вертикальная трещина.

За ней виднелась белая лестница, уходящая вверх.

— На вершине башни.

— Там второй узел?

— Там то, что должно было стать третьим.

— Что?

Эвелина сняла маску.

Под ней не было лица.

Только молодое лицо Эвелины, но оно было покрыто тонкими золотыми линиями.

— Твоя мать.

София не могла дышать.

— Она там?

— Не совсем.

— Что это значит?

— Её тело.

Слова, произнесённые в зале без голосов, стали тяжёлыми.

Они упали в колодец.

На дне появилось новое слово:

ПЛОТЬ.

Софи схватила Софию за руку.

— Не ходи наверх.

— Почему?

— Потому что там ты увидишь, что осталось от неё.

— Я должна.

— Ты не обязана спасать каждого.

— Она моя мать.

— Нет.

София посмотрела на Софи.

— Что?

— Она стала частью того, от чего пыталась тебя защитить.

Тайна Эвелины

София подошла к ректору.

— Вы знали, что моя мать наверху.

— Да.

— Почему не сказали?

— Ты бы пришла раньше.

— И что в этом плохого?

— Тогда Вуаль была бы готова.

— А сейчас?

— Теперь она готова к тебе.

София взглянула на чёрное дерево.

Маски на ветвях начали поворачиваться.

Каждая повторяла её лицо.

Некоторые улыбались.

Некоторые плакали.

Одна маска была лицом Николаса.

Другая — лицом Севера.

Третья — лицом Софи.

Четвёртая была пустой.

София подошла к ней.

На внутренней стороне маски было написано:

ЛИЦО ТОГО, КТО ПРОИЗНЕСЁТ ИСТИННОЕ ИМЯ.

— Кто его носит? — спросила она.

Эвелина ответила:

— Ты.

— Почему она пустая?

— Потому что ты ещё не решила, какое лицо останется последним.

Софи зашептала:

— Не надевай её.

Север встал рядом с Софией.

— Если она наденет, что произойдёт?

— Все лица, которые она носила, станут частью её, — сказала Эвелина.

— А если она не наденет?

— Второй узел откроется сам.

— И что тогда?

— Каждый человек в городе услышит свою главную ложь.

София вспомнила женщину на площади.

Старика.

Девочку с птицами.

Всех жителей Люкс-Августы.

Если узел откроется, город захлебнётся чужими признаниями.

Но если она наденет маску, то станет сосудом для всех лиц.

Селеста подняла жезл.

— Есть третий путь.

Эвелина повернула к ней голову.

— Ты слишком долго молчала.

— Я знаю.

— Что ты можешь предложить?

— Не лицо.

Селеста сняла белую маску, которую носила с тех пор, как вошла в дом Морн.

Под ней было лицо Аделы.

Но теперь София видела отличие.

Это была не внешность матери.

Это был её последний образ.

— Маска хранит не лицо, — сказала Селеста. — Она хранит решение.

— Какое решение?

Селеста посмотрела на Софию.

— Адела решила остаться не матерью.

— А кем?

— Стражем.

Она бросила маску в колодец.

Зал взорвался без звука.

Слова поднялись из глубины и окружили их.

Я ВЫБИРАЮ.

Я ОТКАЗЫВАЮСЬ.

Я ОСТАЮСЬ.

Я УХОЖУ.

Чёрное дерево распустилось.

Из его ветвей вырвались белые нити.

Они обвили Софию, Севера, Софи и Эвелину.

Эдриан оказался связан отдельно.

Его нити были серыми.

София увидела, как в его груди открывается дверь.

За дверью был маленький мальчик.

Эдриан в детстве.

Он стоял один в снежном дворе.

Перед ним лежала белая маска.

Из-за маски звучал голос:

— Если хочешь стать сильным, откажись от своего имени.

Маленький Эдриан поднял маску.

— А что я получу?

— Возможность создать новое.

— Что?

— Дочь, которая никогда не будет принадлежать тебе.

София резко посмотрела на отца.

Он не мог говорить.

Но она уже всё увидела.

— Вы заключили сделку, — сказала она.

Эдриан попытался вырваться из нитей.

— С кем?

София посмотрела на Эвелину.

Ректор не двигалась.

— С её отцом.

Эвелина опустила голову.

— Мастер Эллиан Восс обещал спасти твою мать.

— А взамен?

— Твой отец отдал ему право на твоё первое имя.

София почувствовала ледяную пустоту.

— Вы отдали моё имя?

Эдриан смотрел на неё.

— Я думал, что смогу вернуть его.

— Вы думали.

— София…

— Вы отдали человеку, который пытался войти в меня.

— Я хотел спасти Аделу.

— А меня?

— Ты ещё не родилась.

— Но я была.

Слова ударили сильнее любого заклинания.

Эдриан опустил голову.

— Я не знал, что ты слышишь.

— Я слышала всё.

София почувствовала, как нити вокруг неё натягиваются.

В колодце появилось новое слово:

ДОЛГ.

Эвелина сказала:

— Вот почему ты должна выбрать. Второй узел требует платы.

— Моё имя уже отдали.

— Тогда отдай то, что осталось.

— Что?

— Свободу решать, кем тебе быть.

София посмотрела на чёрное дерево.

На маски.

На Севера.

На Софи.

На отца.

На закрытую дверь в вершине башни.

Затем она услышала голос Аделы.

На этот раз настоящий.

Не из колодца.

Не из воспоминания.

Сверху.

— София, не отдавай им свою волю.

Она подняла голову.

В глубине башни что-то проснулось.

Дерево раздвинуло ветви.

На вершине, за сотнями масок, появилось лицо Аделы.

Её глаза были открыты.

— Мама, — прошептала София.

Адела смотрела вниз.

— Поднимись ко мне.

София сделала шаг к лестнице.

Эвелина попыталась остановить её.

— Если ты поднимешься, второй узел закроется.

— Тогда в чём опасность?

— Он закроется внутри тебя.

— Я уже привыкла.

— Нет, София.

Ректор впервые заговорила с настоящим страхом.

— На вершине ты узнаешь, кем была твоя мать до того, как стала Аделой.

Чёрное дерево содрогнулось.

С потолка посыпались маски.

Одна из них упала к ногам Софии.

На ней было лицо, которого она никогда не видела.

Лицо женщины с золотыми глазами.

Внутри маски кто-то прошептал:

— Она была первой хозяйкой Вуали.

София подняла маску.

Софи закричала:

— Не смотри!

Но было поздно.

В отражении маски София увидела не Аделу.

Она увидела себя.

Старше.

В золотой короне.

С рукой, поднятой над городом.

И за её спиной — миллионы людей без лиц.

София уронила маску.

Башня начала рушиться.

Ветви чёрного дерева разорвали потолок.

Вуаль над Люкс-Августой стала багровой.

Из вершины Академии прозвучал голос Аделы:

— Поднимись, Астар.

София шагнула на белую лестницу.

Север пошёл за ней.

Софи растворилась в её тени.

Эдриан кричал что-то, но слова исчезали в воздухе.

Селеста осталась внизу, удерживая колодец.

А Эвелина улыбалась.

Потому что знала:

второй узел уже начал закрываться.

И вместе с ним внутри Софии открывался путь к третьему.

Глава 14. Та, что носила Вуаль

Белая лестница уходила вверх.

Она не была построена из камня. Каждая ступень состояла из чьего-то воспоминания.

На первой София увидела свой первый крик.

На второй — лицо матери.

На третьей — руки отца, державшие её над чашей с чёрной водой.

На четвёртой — Николаса.

На пятой — Северана.

На шестой — Софи.

Каждый шаг становился тяжелее предыдущего.

— Не смотри вниз, — сказал Север.

— Почему?

— Там нет ступеней.

София всё же посмотрела.

Под ними не было Академии.

Не было зала, колодца и города.

Только бесконечная глубина, заполненная лицами.

Они смотрели вверх.

Некоторые улыбались.

Другие плакали.

Третьи произносили её имя беззвучными губами.

Софи шла в тени Софии, почти неразличимая.

— Они все хотят подняться, — сказала она.

— Кто?

— Те, кто не успел стать собой.

София остановилась.

— Что с ними будет?

— Они станут тобой.

— Я не могу принять всех.

— Уже принимаешь.

София посмотрела на собственные руки.

Под кожей двигались тени.

Лица появлялись на пальцах и исчезали, словно отражения в воде.

Север заметил это и отвернулся.

— Тебе больно?

— Нет.

— Ты врёшь.

— Здесь нельзя говорить правду?

— Это уже не зал.

— Тогда почему мне кажется, что всё вокруг слышит?

Север поднял взгляд.

На стенах лестницы раскрылись сотни глаз.

— Потому что слышит.

Ступень с именем

На середине лестницы путь преградила дверь.

Она была сделана из старого дерева и покрыта глубокими царапинами. В центре находилась табличка.

На ней было написано:

ВОЙТИ МОЖЕТ ТОЛЬКО ТОТ, КТО ОСТАВИТ ИМЯ.

София провела пальцами по буквам.

— Какое имя нужно оставить?

— То, которым

тебя зовут сейчас, — ответил Север.

— София?

— Да.

— Тогда я не смогу пройти.

— Возможно, именно этого дверь и хочет.

Из-за двери донёсся голос Аделы:

— Не отдавай ей имя. Она хочет сделать тебя пустой.

София нахмурилась.

— Кому ты говоришь?

— Двери.

Дерево зашевелилось.

На нём проступили очертания лица.

— Имя — это не ты, — сказала дверь.

— Знаю.

— Тогда оставь его.

— А если я останусь без имени?

— Ты станешь свободной.

— Или ничьей.

— Между этими словами нет разницы.

Софи поднялась из тени.

Её маленькая ладонь легла на дверную поверхность.

— Не слушай.

— Почему?

— Эта дверь не умеет отличать свободу от одиночества.

София посмотрела на неё.

— А ты умеешь?

Софи задумалась.

— Нет.

— Тогда почему говоришь?

— Потому что я уже была одна.

Дверь дрогнула.

Царапины на ней сложились в слова:

КТО ТЫ, ЕСЛИ НИКТО НЕ МОЖЕТ ТЕБЯ НАЗВАТЬ?

София ответила:

— Я всё равно буду собой.

— Докажи.

— Как?

— Оставь имя.

Перед Софией появилась каменная чаша.

Внутри лежали три светящихся слова:

СОФИЯ.

МИРРА.

АСТАР.

Север тихо сказал:

— Не выбирай ни одно.

— Если я не выберу, дверь не откроется.

— Тогда выбери четвёртое.

София посмотрела на пустую поверхность чаши.

— Моё имя уже есть.

Она коснулась дна.

В камне появилась новая надпись:

Я.

Дверь рассмеялась.

Смех её был похож на скрежет веток.

— Это не имя.

— Это начало любого имени.

София взяла чашу и вылила её содержимое на пол.

Золотое слово растеклось по ступеням.

Чёрное вспыхнуло.

Белое раскололось.

Три имени смешались и образовали тонкую серебряную линию.

Дверь открылась.

За ней стояла Адела.

Не отражение.

Не остаток.

Не лицо, созданное памятью.

Настоящая.

Она выглядела измученной, но живой.

На её руках были цепи из золотых символов. Они уходили вверх, к вершине башни.

— Ты оставила своё имя? — спросила Адела.

— Нет.

— Что же ты оставила?

— Страх, что имя определяет меня.

Адела улыбнулась.

— Ты стала сильнее.

— Я стала осторожнее.

— Это не одно и то же.

— Иногда разницы нет.

София хотела подойти к ней, но Адела не позволила.

— Не касайся меня.

— Почему?

— Потому что я всё ещё связана с Вуалью.

— Я могу разорвать цепи.

— Нет.

— Я уже разрывала связи.

— Эти цепи не удерживают меня.

— Тогда что они делают?

Адела посмотрела вверх.

— Удерживают то, что находится за мной.

София подняла голову.

В потолке открылась огромная трещина.

За ней было видно небо.

Но вместо звёзд там плавали глаза.

Один из них медленно закрылся.

Башня вздрогнула.

Север отступил.

— Что это?

Адела ответила:

— Первая хозяйка Вуали.

София почувствовала, как её сердце сжимается.

— Ты говорила, что это была ты.

— Я была сосудом.

— Для неё?

— Для того, что должно было стать ею.

Адела с трудом подняла руку.

На её ладони был выжжен знак, похожий на золотую корону.

— Когда я вошла в Вуаль, она уже ждала.

— Кто?

— Эсхера.

Имя прошептала сама башня.

Все маски внизу повернулись к лестнице.

Софи спряталась в тени.

— Не произноси его снова, — сказала она.

— Почему?

— Имена зовут.

— Тогда почему мама назвала её?

Адела посмотрела на Софи.

— Потому что она уже услышала.

В глубине башни раздался женский голос:

— Я всегда слышу.

Эсхера

Воздух стал плотным.

Адела резко повернула голову, словно кто-то коснулся её затылка.

— София, ты должна уйти.

— Я только нашла тебя.

— Ты нашла моё тело.

— Это не одно и то же?

— Нет.

Золотые цепи на её руках натянулись.

Где-то наверху что-то начало спускаться по лестнице.

Медленно.

Тяжело.

Ступень за ступенью.

София увидела сначала длинное белое платье.

Потом босые ноги.

Потом руки, покрытые письменами.

Лица не было.

Вместо него Эсхера носила гладкую золотую маску.

На маске отсутствовали глаза, но София всё равно чувствовала её взгляд.

— Астар, — сказала Эсхера.

София встала перед матерью.

— Не называйте меня так.

— Ты отрицаешь первое имя.

— Я выбираю другое.

— Выбор — слабая форма неповиновения.

— Зато моя.

Эсхера остановилась.

— Твоя мать тоже выбирала.

— И что с ней стало?

— Она стала дверью.

— А я не стану.

— Ты уже открываешься.

София почувствовала боль в груди.

Прозрачная линия засветилась.

Третья часть сердца отзывалась на Эсхеру.

— Что вам нужно? — спросила София.

— Вернуться.

— Куда?

— В начало.

— Мир уже начался.

— Мир — ошибка.

Эсхера подняла руку.

Под её ладонью возникло изображение Люкс-Августы.

Город был маленьким, хрупким, полным огней. Люди ходили по улицам, любили, ссорились, рожали детей, умирали.

— Всё это существует только потому, что я позволила, — сказала Эсхера.

— Вы создали людей?

— Я создала пустоту, в которой они смогли появиться.

— Это не одно и то же.

— Для пустоты — одно.

Она сжала пальцы.

В изображении города погас один огонёк.

Где-то далеко человек забыл имя собственного ребёнка.

София вздрогнула.

— Прекратите.

— Ты можешь остановить меня.

— Как?

— Отдай третью часть.

— Моё сердце?

— Не сердце. Свободу выбирать.

— Вы уже говорили это.

— Потому что ты всё ещё не поняла.

Эсхера приблизилась.

— Пока ты выбираешь, мир остаётся разделённым. Одни помнят, другие забывают. Одни любят, другие предают. Одни рождаются, другие умирают.

— Так устроена жизнь.

— Жизнь — это ошибка, которой люди научились дорожить.

— И вы хотите исправить её?

— Я хочу прекратить боль.

Софи вышла из тени.

— Вы хотите прекратить не боль. Вы хотите прекратить различия.

Эсхера повернула к ней маску.

— Маленький остаток.

— Я не остаток.

— Ты была выброшенной частью.

— Теперь я выбрала остаться.

— Без Софии ты не существуешь.

— Но рядом с ней я становлюсь настоящей.

Эсхера замолчала.

София почувствовала, как Софи крепче держится за её тень.

— Почему вы боитесь её? — спросила София.

— Я не боюсь.

— Тогда почему хотите уничтожить?

— Потому что она доказывает: разделение не всегда заканчивается пустотой.

Слова прозвучали в башне гулким эхом.

Адела опустила голову.

— Эсхера, отпусти их.

— Ты всё ещё защищаешь их?

— Я защищаю дочь.

— Ты уже однажды отдала её мне.

София повернулась к Аделе.

— Что она имеет в виду?

Адела закрыла глаза.

— Когда ты умерла, я заключила договор.

— С Эсхерой?

— Да.

— Что ты обещала?

— Что часть тебя останется в Вуали.

— Софи.

— Да.

— И что получила взамен?

— Твоё дыхание.

София почувствовала, как всё внутри неё замирает.

— Ты обменяла Софи на мою жизнь?

— Я не знала, что она станет отдельной.

— Но знала, что кого-то оставляешь.

Адела не ответила.

София отступила.

— Все вы говорите, что спасали меня.

— Я хотела, чтобы ты жила.

— А если жизнь, которую вы мне дали, была построена на чужой смерти?

— Софи не умерла.

— Потому что отказалась умереть.

Эсхера медленно подняла руку.

— Именно поэтому она опасна.

Из воздуха появились золотые цепи.

Они рванулись к Софи.

София успела закрыть её собой.

Цепи обвились вокруг плеч и груди. Боль прошла через тело, но не остановила движение.

Север бросился вперёд и ударил по цепям.

Его руки покрылись инеем.

— Отойди! — крикнула София.

— Я не оставлю тебя!

— Ты не обязан меня спасать!

— Я знаю.

Север снова ударил.

На этот раз цепь треснула.

Эсхера повернула к нему голову.

— Ты должен был быть заменой.

— Я больше никому ничего не должен.

Он разжал кулак.

Из его ладони вырвался синий огонь.

Огонь коснулся золотой маски Эсхеры.

На ней появилась трещина.

Впервые Эсхера пошатнулась.

— У тебя нет собственного источника, — сказала она.

— Теперь есть.

— Откуда?

Север посмотрел на Софию.

— Из того, что она мне дала.

София почувствовала, как между ними протянулась тонкая нить.

Не зависимость.

Не долг.

Связь.

Эсхера попыталась разорвать её, но нить выдержала.

— Ты научила его делиться именем, — сказала Эсхера.

— Нет, — ответила София. — Он сам выбрал.

— Выбор ничего не значит без силы.

София сняла с шеи медальон.

Внутри не осталось ни пыли, ни осколков.

Только маленькое прозрачное сердце.

Она сжала его.

— Тогда я выберу силу.

Прозрачное сердце раскололось.

Но не разрушилось.

Из трещин вырвался свет.

Он прошёл через Софию, через Софи и Севера, через Аделу и даже через золотые цепи.

Каждый почувствовал не чужую боль, а собственное право нести её самому.

Цепи на Аделе лопнули.

Она упала на колени.

Золотая маска Эсхеры раскололась пополам.

Под ней оказалось лицо.

Лицо Софии.

Но старше.

Без глаз.

С бесконечной улыбкой.

— Ты не можешь быть мной, — прошептала София.

— Я и есть ты.

— Нет.

— Ты создана из моего желания жить.

— А ты создана из моего страха умереть.

Эсхера замерла.

Софи подняла голову.

— Она права.

Эсхера повернулась к девочке.

— Ты была моей частью.

— Была.

— Вернись.

— Нет.

— Тогда я заберу тебя.

Эсхера протянула руку.

Софи вскрикнула.

Тень Софии стала вытягиваться к маске.

София схватила Софи за плечи.

— Держись!

— Я стараюсь!

— Не отпускай меня!

— Это ты не отпускай меня!

Эсхера тянула сильнее.

Тело Софии начало распадаться на лица.

Она увидела мать.

Отца.

Николаса.

Севера.

Софи.

Эсхеру.

Каждое лицо звало её своим именем.

Но София услышала только один голос.

Свой.

— Я не обязана быть цельной, чтобы быть настоящей.

Прозрачный свет вспыхнул.

Все лица исчезли.

Осталась только София.

Эсхера отступила.

На месте её маски появилась пустота.

— Что ты сделала?

— Перестала бояться, что мне не хватит одной жизни.

София раскрыла ладонь.

Свет превратился в маленькую дверь.

На ней не было ручки.

— Второй узел закрыт, — сказала она.

— Ты не можешь закрыть его.

— Уже закрыла.

Дверь внутри её ладони начала сжиматься.

Эсхера закричала.

Крик был беззвучным, но от него башня раскололась.

Дерево за спиной Софии вспыхнуло.

Маски падали одна за другой.

Каждая, коснувшись пола, превращалась в прах.

Внизу Академия содрогалась.

Колодец раскрылся.

Все слова вырвались наружу.

Город услышал их.

Сотни тысяч признаний пронеслись по улицам Люкс-Августы.

Кто-то узнал правду о своей семье.

Кто-то услышал имя человека, которого убил.

Кто-то понял, что никогда не был любим.

Кто-то впервые услышал:

— Я ждал тебя.

Эдриан поднялся на лестнице.

— София!

Она обернулась.

Отец стоял среди рушащихся стен.

За его спиной открывался чёрный провал.

— Уходите! — крикнула София.

— Я не уйду без тебя.

— Вам придётся.

— Нет.

Он пошёл к ней.

Каждый шаг отнимал часть его тела. Пальцы становились прозрачными, плечи покрывались трещинами света.

Селеста появилась на лестнице следом.

— Башня рушится!

— Отец, уходите!

Эдриан продолжал идти.

— Я слишком долго позволял другим выбирать за тебя.

— Тогда выберите сейчас.

— Что?

— Жизнь.

Он остановился.

София смотрела на него сквозь падающие маски.

— Выберите жизнь, в которой я могу уйти сама.

Эдриан закрыл глаза.

На лице его появилась боль.

Потом он кивнул.

— Я выбираю тебя.

Он развернулся и схватил Селесту за руку.

София увидела, как они уходят вниз.

Север стоял рядом.

Софи держалась за её тень.

Адела поднялась с колен.

— Иди, — сказала она.

— А ты?

— Я останусь.

— Нет.

— Если я уйду, Эсхера последует за мной.

— Тогда я останусь с тобой.

— Ты не можешь спасти меня.

— Я не просила спасения.

Адела коснулась её щеки.

— Ты должна жить дальше без моей тени.

— Я не хочу.

— Знаю.

— Почему всё время нужно выбирать, кого оставить?

Адела улыбнулась.

— Потому что ты больше не ребёнок.

— Я ненавижу это.

— Это тоже часть жизни.

Башня рухнула.

София почувствовала, как Адела отталкивает её.

Она, Север и Софи провалились вниз.

Падение длилось несколько секунд.

Потом — целую жизнь.

София увидела все свои лица.

Все свои имена.

Все возможные будущие.

А затем приземлилась на площади Академии.

Башня исчезла.

На её месте остался только чёрный пепел.

Над городом Вуаль стала тонкой, почти прозрачной.

Эдриан и Селеста стояли у разрушенных ворот.

Север лежал рядом, без сознания.

Софи была рядом с Софией — уже не в тени, а в собственном теле.

Она выглядела старше.

Почти такой же, как София.

— Ты стала настоящей, — прошептала София.

Софи посмотрела на свои руки.

— Не знаю.

— У тебя есть тело.

— Это ещё не значит, что у меня есть жизнь.

София взяла её за руку.

— Тогда мы найдём её.

В этот момент из пепла поднялась золотая маска.

На ней было лицо Аделы.

Маска заговорила:

— Третий узел ещё не открыт.

София подняла её.

— Где он?

Маска повернулась к западу.

Туда, где за городскими стенами лежал лес.

— В месте, где ты родилась.

София посмотрела на отца.

— Где я родилась?

Эдриан побледнел.

— В доме Морн.

Маска медленно треснула.

Под лицом Аделы проступило другое.

Лицо младенца.

— Нет, — сказал Эдриан.

— Где? — спросила София.

Он смотрел на лес.

— В старом дворце за Вуалью.

Софи сжала её руку.

— Там, где всё началось.

Север открыл глаза.

— И где ждёт последний узел.

Вдалеке раздался звон.

Один.

Второй.

Третий.

На четвёртом ударе золотая Вуаль над городом разорвалась.

За ней открылся проход.

По ту сторону стоял дворец.

И в его окне кто-то держал на руках младенца.

Софию.

Глава 15. Дворец за Вуалью

За Вуалью не было леса.

Не было земли, дороги или неба.

Там стоял дворец.

Он возвышался над бесцветным пространством, словно был вырезан из ночи. Его башни уходили в пустоту, а окна светились мягким золотым светом.

В одном из них кто-то держал младенца.

София видела себя.

Совсем маленькую.

Но ребёнок в руках фигуры не плакал.

Он смотрел прямо на неё.

И улыбался.

— Это невозможно, — прошептал Эдриан.

— Что именно? — спросила Селеста.

— Дворец.

— Ты был здесь?

— Нет.

София посмотрела на него.

— Вы лжёте.

Отец закрыл глаза.

— Я видел его до твоего рождения.

— Во сне?

— В договоре.

— С Эсхерой?

— Нет.

— С Эллианом Воссом?

Эдриан не ответил.

Софи стояла рядом, держась за руку Софии. После превращения она выглядела почти так же, как сестра, но была немного бледнее, а её глаза отражали небо за Вуалью.

Север смотрел на дворец.

— Он знает, что мы пришли.

— Кто? — спросила София.

— Тот, кто держит ребёнка.

София вновь посмотрела на окно.

Фигура медленно подняла младенца выше.

На стекле появилась надпись:

ТЫ ОПОЗДАЛА, СОФИЯ.

— Кто это? — спросил Север.

— Не знаю.

Но София уже понимала.

Она чувствовала его внутри прозрачной линии своего сердца.

Человека без лица.

Того, кто создал место для её рождения.

Дворец ждал именно её.

За гранью

Первой шагнула Селеста.

Вуаль пропустила её, но сразу же изменила.

Волосы настоятельницы стали белыми, одежда превратилась в длинное серое платье, а на лице появилась тонкая золотая трещина.

— Что с вами? — спросил Север.

Селеста посмотрела на свои руки.

— Здесь каждый становится тем, кем его помнит Вуаль.

Эдриан шагнул следом.

Он изменился ещё сильнее.

На его плечах появился старый военный плащ, лицо стало

моложе, а в правой руке возник меч.

София увидела отца таким, каким он был до её рождения.

До Аделы.

До Николаса.

До всех сделанных выборов.

— Не смотрите на меня, — сказал Эдриан.

— Почему?

— Потому что это не я.

София вошла последней.

Вуаль коснулась её кожи.

На мгновение она увидела огромное количество лиц.

Некоторые были её.

Некоторые принадлежали людям, которых она никогда не встречала.

Одно лицо появлялось снова и снова.

Младенец.

Её лицо до имени.

Вуаль шепнула:

— **Астар.**

София не ответила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.